

ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА „КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ—
ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ“.

№ 3 (15)

Апрель.

1929

СОДЕРЖАНИЕ:

1. А. Аргунов. На пути к освобождению.
2. Д. Иванов. На переломе. (Итоги истекшего хозяйствен. года).
- В России.**
3. *Сын крестьянский.* По партийной командировке в Россию.
4. *N.* В умирающем городке.
5. Из крестьянских писем.
- Из заграничной жизни.**
6. Б. Евланов. Выборы в Латвии.
7. *Свой.* Р. С. О. Русская селянская организация в Галиции.
8. Н. Б. Сдвиги капитализма.

Из печати.

9. Г. Р. О нашем «направлении» и о современных «стоиках».

Из жизни организации „Крестьян. Россия“.

10. А. А. Дальневосточная организация «Т. К. П.».
11. В. Б. Некролог А. Н. Варламова.
12. Отчет о сборах в Фонд Свободной печати.
13. Представительство «Крестьянской России» за границей.
14. Фонд свободной печати для России. Обращение.

На пути к освобождению.

Вслед за тяжело прожитым 1928 годом, наступил еще более тяжкий период для населения России.

На 12 году коммунистического хозяйничания страна стоит на пороге голода, всеобщего обнищания и полна бесчисленных страданий, созданных режимом прола и насилия.

И вполне понятен всеобщий крик, который вырывается стоном из груди измученных людей: «когда же все это кончится!»

Растет озлобление, растет ненависть к виновникам народного бедствия. Растет и воля к борьбе. Чувствуется, что уже пределы терпения превзойдены и близится неизбежная развязка.

В 12-ый год коммунистической власти Россия вступает сильно изменившейся. Глубокие перемены произошли в настроении ее городской и, особенно, крестьянской массы. Изменилось до неузнаваемости и положение самой партии, которая правит страной.

Раньше еще можно было спорить о том, насколько серьезна и чревата неисправимыми последствиями для властвующей партии та борьба, которая велась в ее рядах, вспыхивая временами с особой остротой.

Можно было еще думать, что эта борьба мирная и преходящая, что она не коснется основ партии, не вызовет разложения ее, — ибо слишком крепка спайка ее

членов перед общеочевидной опасностью — погибнуть от внутреннего бессилия.

Теперь таких споров и суждений уже нет и не может быть.

Единая когда-то партия раскололась на враждующие части, и борьба приняла такие формы и зашла столь далеко, что ждать приходится лишь дальнейшего и все ускоряющегося самоистребления и развала.

Ибо на этот путь влекут партию и ее вожakov неумолимые законы жизни.

Начало нынешнего года ознаменовалось крупным событием — расправой «сталинцев», в руках которых аппарат власти, над сторонниками Троцкого. Расправой крутой и массовой.

В тюрьмы и ссылку пошли тысячи троцкистов. Сам Троцкий выслан за границу.

Нельзя не отметить, что, кроме Троцкого, оказалось на положении преследуемых, объявлено «врагами» советского отечества большое число очень видных деятелей коммунизма, «старых» большевиков.

Процесс обескровления властвующей партии захватил уже ее головку.

Чтобы лучше оценить значение этого факта и уяснить смысл коммунистической междоусобицы, нужно заглянуть в требования троцкистов, в их платформу.

Незадолго до расправы над троцкистами появилось т. н. «директивное» письмо,

Троцкого, в котором платформа их изложена довольно четко, а, сверх того, дается и оценка общего положения, переживаемого партией и страной.

Раскол в партии идет по трем направлениям и соответственно выдвинулись три фракции. Правая фракция, которая стоит за необходимость для власти отказа от коммунистической догмы и перехода на политику «мелкобуржуазного хозяйства», левая фракция — в лице троцкистов, непримиримая по отношению к подобным отказам и уступкам, отстаивает «пролетарскую диктатуру военно-коммунистического образца» и, наконец, ныне господствующая третья фракция «сталинцев», лавирующая между двумя крайними крылами, склоняясь то в ту, то в другую сторону, сообразно обстоятельствам.

Особо опасным, по мнению Троцкого, является существование правого крыла. Ибо оно «имеет сильную классовую опору в стране». В рабочих массах нарастают право-экономические настроения, собственнические, «антисоветские». Политика Сталина открывает широко двери «правой» опасности и «условия, необходимые для осуществления термидора могут оканчиваться на лицо в сравнительно короткий срок». Грядет, по мнению Троцкого, «буржуазная контрреволюция в форме фашизма или бонапартизма». Об этом свидетельствует многое. Мелкобуржуазное крестьянство напирает со всех сторон; весь не только советский, но и партийный аппарат подвергается буржуазному перерождению; выдвигаются уже на авансцену «бонапарты третьего сорта» в лице Ворошилова, Буденного, а может быть и самого Сталина; стоит уже наготове и орудие переворота — крестьянская по своему составу красная армия, восстанием которой еще в июне 1928 года грозил тов. Клим, говоря, что, если будет продолжаться «напор» на крестьянство и «если вы еще раз прибегнете к чрезвычайным мерам, армия может ответить восстанием».

Чего же требуют троцкисты и на что они надеются? В области общей политики — возврат на «правильную линию» последовательного коммунизма через диктатуру пролетариата и борьбу с враждебными силами, главным образом, с крестьянством, средствами военного коммунизма. При этом делается расчет на социальную революцию на Западе, приход которой недалек, ввиду надвигающейся новой мировой, американско-европейской, войны.

На ближайшее время перед троцкистами задача отвоевать себе достойное место в рядах партии, в надежде стать потом у кормила правления страной. «Незаконное» положение, в которое их загнали сейчас сталинцы, заставляет их принимать все меры к расширению своих связей с рабочей массой. И, конечно, прежде всего пускается в ход привычное средство — демагогия. Троцкий выдвигает лозунг «тайного голосования», но не везде, а лишь «в партии и в профсоюзах». Немецкие троцкисты (т. н. «Ленинбунд») идут даже дальше, заявляя в своей резолюции, что русскому пролетариату необходимо «бороться за все свободы против сталинского режима, чтобы иметь достаточно сил для борьбы с близящейся открытой контрреволюцией».

Такова, вкратце, картина внутрипартийной борьбы на фоне непримиримых противоречий, созданных требованиями жизни.

Развал партийных рядов сделал огромный шаг вперед, по сравнению с недавним прошлым, и растет с неудержимой силой, вовлекая все новые и новые партийные слои, разлагая их и непосредственно с ними связанный аппарат.

История этой борьбы, борьбы «паукс в банке» закончится активным вмешательством силы, которая даст о себе знать пока лишь всеусиливающимся недовольством населения и ростом активных противоправительственных выступлений.

В этом отношении конец истекшего года и начало нового принесли массу фактов, которые красноречиво говорят о перемене в настроениях населения и подтверждают слова Троцкого об «опасности», которая нависла над правящей партией и которую он на своем коммунистическом языке называет «правой опасностью», «контрреволюцией» и т. п.

Как ни тяжка сейчас жизнь в городах, но в силу ее особых условий, — недовольство населения редко переходит границы ропота. Правы в общем те наблюдатели, которые говорят о городском обывателе, что он, хотя и избавился от страха перед властными, но не идет дальше того, чтобы «скрипеть зубами» и надеяться на постороннюю силу, которая начнет дело освобождения от нынешней власти.

Настроение это, конечно, переходное и близкое к тому, когда достаточно бы-

вает одного сильного толчка, одного умелого почина, чтобы выведенное из терпения население зажглось желанием выступлений и борьбы.

Насколько широко развито общее недовольство, насколько оно является «духом времени», показывают всеучащающиеся случаи «неблагополучия» в рядах красной армии, расквартированной в городах. Еще недавно командующий Ворошилов заявил, что в армии имеются «серьезные политические процессы» и что «нездоровые» явления наблюдаются не только среди солдат, но и в командном составе». Троцкий, как мы видели, — очень напирает на тревожное настроение в армии. Ворошилов же еще добавляет: «некоторые представители командования заявили, что при продолжении нынешней политики в деревне, трудно рассчитывать на преданность армии, на 66% состоящей из крестьян. Из разных центров командиры частей отправляли письма на имя Сталина с выражением этих опасений».

Тут мы и подходим к тому главному, что более всего заботит существующую власть, что руководит всей ее политикой, обессиливает и разлагает ее ряды.

Это главное и основное — настроение крестьянства, и его упорная борьба с коммунистическими мероприятиями.

«Крестьянство напирает со всех сторон», свидетельствует Троцкий.

Этот «напор» особенно дает себя чувствовать в последнее время, и идет он по всему крестьянскому фронту, который тщетно пытается прорвать коммунистическая власть.

Борьба идет на всем пространстве крестьянской России, принимая разнообразные формы, — то мирные, то открыто враждебные.

Несмотря на пущенные правительством в ход всевозможные меры для подтасовки выборов в советы, — сельское население сумело справиться с этими мерами. Не помогла ни система «лишенцев», т. е. лишение неугодных власти жителей избирательного права, ни попытки натравить «бедняков» на «кулаков», ни разные другие меры насилия и террора. И, в результате, из советских отчетов мы видим, что тогда, как в городах в советы попало примерно до 49,4% коммунистов, в деревнях их оказалось лишь 14,3%, причем среди этих «деревенских» коммунистов настоящих коммунистов имеется ничтожная доля.

На том участке крестьянского фронта, на который власть давит особыми мерами

земельной политики, стремясь вовлечь крестьянское хозяйство в дело «строительства социализма», «повысить его продукцию», «расширить продовольственную и сырьевую базу индустриализации» и т. д., — крестьянство отвечает дружным отпором. Настолько дружным, что советский орган — «Известия» вынужден заявить о крахе земельной политики, ибо она «упирается в необходимость преодолеть «стачку» крестьян. Эта «стачка» выражается в повсеместном стремлении крестьянства сократить пашни, посевы и животноводство.

На «колхозы» и «коммуны» население все чаще и чаще отвечает мерами уже открытой борьбы. Колхозников «травят» и им трудно «проходить по улице». Бывают и другие картины. В одном из сел Брянской губ., когда приехал землемер для отвода земли колхозу, то «толпа из 300 женщин, вооруженная граблями, топорами, вилами, дубинами, двинулась в поле и начала рубить вешки и столбы. Землемеру и колхозникам пришлось спастись бегством». А в Киевской губ. толпа крестьян разогнала «коммунаров» и испортила их трактор для вспашки земли.

Экономический террор по адресу колхозов и отдельных хозяев-коммунистов растет и ширится.

На встречу ему идет волна террора характера политического, выражающегося в преследовании вплоть до уничтожения местных представителей власти и ее сторонников.

Это движение приняло такие размеры, что получило название «народного террора», и власть вынуждена была попытаться противостоять ему суровыми мерами наказания. Начались судебные процессы, выносятся смертные приговоры...

Но население, особенно деревенское, уже не запугать подобными мерами. Террор и другие «средств» продолжают: «За время подготовительной кампании по выборам в советы, пишут «Известия», имело место в РСФСР 10 случаев убийств членов сельсоветов и сельизбиркомов, 19 случаев ранений, 33 случая избиения, 34 покушения, 24 поджога, 31 случай угроз и 17 случаев злостных срывов собраний».

И местная власть начинает... бежать из деревень.

«Постоянно слышишь, пишет корреспондент «Дней» (№ 25), из такой-то волости бежали все представители советов и все секретари комячеек; из такой-то волости все комячейки «драпнули», а в

советах осталось по одному писарю. Называют целые уезды Ярославской, Тверской, Рязанской, Нижегородской губ., где в последние несколько недель «стало чисто, хоть шаром покати». Начальство все из села сбежало, начальства никакого нет, мужик живет там сам по себе»: «Низовые коммунисты сами возвращают свои партбилеты и мандаты: отказываемся, — ни сил, ни возможности не стало все это выдерживать. Мужика в ответ на его ехидные укоры и требования нечем крыть, а чего требует центр — даже понять нельзя».

А когда в декабре 1928 г. в деревни были посланы для пропаганды «рабочие бригады», то «вернулись они совершенно подавленными. Их не били, не оскорбляли. Им дали в деревнях лишь «словесное наставление». Но наставление это они до новых веников не забудут. Главное, что они привезли, сводится к фразе, которая теперь стала ходячей: «партруководство к черту».

Таково настроение деревни.

Перекидывается оно и в города.

Под влиянием писем из деревень — бродит беспокойство среди матросов и солдат. Рабочие, приходящие из деревень, приносят с собой «заразу» активизма. «Прежде, бывало, приходящие из деревень, в случае каких либо осложнений, прятались, на первом месте были рабочие постоянные. Теперь наоборот. Деревенские пришлые первые, а постоянные рабочие идут за ними».

Идет разложение властвующей партии, слабеет ее авторитет в атмосфере неудач и поражений по всему фронту, по всем уголкам деревенской России.

Эхом отдается борьба в городах, будя у некоторых бодрые надежды, у других сомнения и страх за будущее, которое представляется неизвестным.

Ведь, борьба эта, говорят сомневающиеся, стихийная, без общих лозунгов, без ясных программ и без вождей. Борьба разрушительная, которая может привести к дальнейшему расстройству жизни, ввергнуть страну в хаос...

Да, борьба, которую ведет население России при помощи разнообразных средств стихийная, неорганизованная борьба.

Но надо быть окончательно слепым и глухим, чтобы за беспорядочностью и стихийностью движения не видеть того нового, что создается на месте разрушае-

мого, и не слышать голосов новой жизни, этих ее новых «лозунгов», которые, как по приказу, становятся быстро повсеместными и общеприемлемыми.

В мучительных условиях рождается новая Россия, но она рождается.

И предъявляет свои требования, свои «основы» переустройства, резко противоположные тем, на которые старается по-ставить жизнь коммунистическая власть.

«Пусть, пишет рязанский крестьянин (газета — «Правда»), дадут крестьянину владеть землей, волю землю арендовать, считать всё своим... а также дать волю купцу, частнику, промышленнику, фабрикантам, хозяевам заводов и тогда у нас дело пошло бы скорее. У нас бедняков нет и кулаков нет. А разве люди выше среднего кулаки? Слава Богу, ни один совхоз, ни одна коммуна не даст столько, сколько эти трудовые крестьяне». А тверской крестьянин выражает свою мысль так: «Мы много слышали о выработанной властью программе по переустройству страны, по объединению в коллективы и совхозы. А если рассудить строго, все эти коллективы — крепостное право, бич. Улучшить положение трудящихся можно только через единоличников».

В этих бесхитростных словах выражена суть экономических требований деревни, захватывающих интересы всей страны, все области ее хозяйства.

Это — программа раскрепощения и свободного труда.

Программа крестьянской демократии.

Уже одними своими требованиями экономического раскрепощения она приводит неизбежно к требованиям политического раскрепощения. И деревня эти требования выставляет во всевозможных формах и по разным поводам, добиваясь равенства в правах и обязанностях.

«Мужик не желает считать себя гражданином второго сорта, не мирится с диктатурой над ним и требует равенства» («Дни» № 22).

«Программа» движения, родившаяся в недрах его на почве повсеместно однородных требований, начинает получать понемногу вид оформленности, попадая в центр внимания интеллигентных сил деревни и города.

Недаром всплывает на поверхность старый, престарелый термин «народничество», но с содержанием иным и, пожалуй, совершенно противоположным прежнему. «Как массовая мысль, пишет наблюдатель интеллигент, нынешнее народничество ли-

шено идеологических предпосылок. Подход у него практический: дайте мужику жить по его усмотрению, не мешайте ему богатеть». «Программа» сводится к тому, чтобы «всерьез и навсегда» снять с крестьянина идеологическую опеку, признать за ним право на равенство со всеми прочими гражданами, дать ему хозяйственную и бытовую свободу».

Не будем сейчас оспаривать правильности вышеприведенной формулировки, ни уместности самого термина «народничество».

Для нас важно и отрадно отметить то основное, что роднит нашу программу «Крестьянской России» с этой программой крестьянской демократии, складывающейся в живой российской обстановке и в борьбе.

Важно отметить еще и следующее: в борьбе деревни с коммунизмом нарастает организованность крестьянства и ширится идея «крестьянского союза».

Те «рабочие бригады», о которых мы выше упоминали, привезли по своему возвращению из деревень несомненное убеждение в том, что «идея крестьянского союза сделала огромные успехи». «Помимо всего прочего, отмечают рабочие, крестьяне повсеместно спрашивают: почему, товарищи, вы свою партию держите, а нам нашего союза не разрешаете?»

Своего союза или партии крестьянам иметь, конечно, «не разрешат».

Эта партия складывается, и сложится она без разрешений и даже несмотря на запрещения и преследования. Сложится невидимым путем сговора и объединения тех «союзов», которые уже создались в разных местах и независимо друг от друга.

Тогда борьба на крестьянском фронте, который держит сейчас в руках судьбу дела освобождения и возрождения страны, — разгорится с новой силой, с расчетом на скорый и окончательный успех.

А. Аргунов.

На переломе.

(Итоги истекшего хозяйственного года).

Истекшему 1927—28 году суждено, повидимому, занять в судьбах советского хозяйства то место, какое в истории германского фронта принадлежит концу 1917-го и началу 1918-го года. Никаких хозяйственных катастроф в нем как будто бы не произошло. В некоторых направлениях он ознаменован даже неоспоримыми хозяйственными успехами советской власти. И тем не менее, он несомненно является началом бесславного конца советской хозяйственной «кампании», и его значение заключается, главным образом, в том, что даже убежденным коммунистам он открыл глаза на бессмысленность насильственного «строительства социализма в одной стране».

Два обстоятельства окончательно выяснились в истекшем году и заставляют задуматься руководителей советской хозяйственной политики: 1) невозможность сколько-нибудь долго практиковать то безграничное обирание крестьянства, на котором покоится система НЭП'а и 2) несправимое хозяйственно-организационное бессилие государственной промышленности.

Чтобы понять сущность первого из отмеченных нами обстоятельств, рассмотрим к тем новым явлениям, которые обнаружили в истекшем году в сельском хозяйстве.

Об изменениях в полеводстве СССР дает представление следующая таблица¹⁾.

Посевная площадь 1928 года (в % к площади 1927 г.).	
Зерновые хлеба	96,4
В том числе:	
Озимые	82,9
Яровые	105,4
Маслично-волокнистые	119,5
Прочие	116,0
Посевная площадь в целом	99,2

¹⁾ Д. Боголюбский. Посевная площадь 1928 года («Статистическое Обзорение», 1928, VII, стр. 4—6).

Мы видим прежде всего, что посевная площадь, обнаруживавшая до сих пор непрерывный (хотя с каждым годом все более медленный) прирост²⁾, в истекшем году *убавилась* по сравнению с предыдущим, и что ее сокращение произошло за счет зерновых культур, — как раз тех культур, которые восстановлены за время НЭП'а сравнительно слабо, которых приходилось в истекшем году на душу населения не больше 80% довоенной нормы³⁾. Что значит это явление?

На сокращении зерновых посевов лишь очень слабо отразилась частичная гибель озимых в некоторых губерниях С. Кавказа и Украины. Его основной причиной является то, что крестьянам совершенно невыгодно, порой прямо опасно, в советских условиях, расширять зерновые культуры за пределы нужного для собственного потребления. Особенно губительное влияние на зерновые посевы оказали следующие обстоятельства: 1) ничтожность установленных Наркомторгом заготовительных цен на зерно⁴⁾: с 132% в 1925—26 г. их индекс упал в 1926—27 году до 104,1%, и даже в 1927—28 году, когда уже выяснился недостаток хлеба на рынке, поднялся лишь до 112%; 2) недостаток, непомерная дороговизна и ужасное качество промышленных изделий; если весной 1913 года за центнер ржи крестьянин получал приблизительно 25 метров ситцу, а за центнер пшеницы — 33 метра, то весной 1928 года он мог рассчитывать на получение разве лишь 10 и 14 метров⁵⁾; 3) экономическая и бытовая опасность засева каждой лишней десятины и сбора каждого лишнего пуда: вспомним о с.-х. налоге, о зачислении в кулаки, о принудительном отобрании

²⁾ Дубенский. Продукция зерновых культур в 1927 году («Статист. Обзорение», 1928, II, стр. 19).

³⁾ «Торгово-Промышлен. Газета», 12. X. 1928.

⁴⁾ Д. Боголюбский, названная статья, стр. 7.

⁵⁾ «Экономическое Обзорение», 1928, VI, стр. 200—201.

хлебных «излишков» и т. п. Как раз в истекшем году все эти опасности были особенно ощутительны. Поэтому сокращение зерновых посевов означает собой лишь одно: что крестьянство *отказывается* производить для городов хлеб на предлагаемых советской властью условиях, а советская власть *бессильна* принудить его к этому.

Мы видим далее, что посевы маслично-волокунистых и «прочих» культур *значительно расширились* в истекшем году, сравнительно с предыдущим, хотя и не настолько, чтобы уравновесить сокращение зерновой площади. Чем вызвано это явление?

В известной мере рост технических и прочих посевов объясняется тем, что на технические и масляные культуры Наркомторг держал в последние годы относительно высокие цены: от 1925 к 1928 году их индекс колебался следующим образом: 132,6%, 130,6%, 128,1%, 134,9%⁶⁾. Однако, главный его источник лежит в другом: 1) в том, что средняя площадь крестьянского хозяйства сильно измельчала, и потому крестьяне уже не могут получать с нее достаточно зерновой пищи и должны усиленно расширять посевы корне-клубнеплодов, и прежде всего картофеля; 2) в том, что крестьяне вынуждены как-то бороться с недостатком и дороговизной тканей, растительного масла, махорки, водки и т. п., и это толкает их к усиленному производству и *домашней переработке* льна, конопли, подсолнуха, табаку, картофеля и т. п. Что это действительно так, и что особенно важное значение⁷⁾ имеет последняя причина, видно на судьбе льноводства. Посевы льна выросли в истекшем году исключительно в тех областях, где льноводство рассчитано, главным образом, на обслуживание собственных нужд крестьянской семьи; наоборот, там, где волокно и семена производятся преимущественно на сбыт, они резко сократились. Сходное явление наблюдается и в производстве конопли и табаку. С другой стороны, это видно из того, что расширение технических и «прочих» культур не покрыло недосева, вызванного сокращением зерновой площади. Если бы названные культуры расширились главным образом ради их рыночного сбыта, и если бы, расширяя их, крестьяне не боялись все время зайти чересчур далеко и понасть в «кулаки», их рост был бы несомненно гораздо более значительным. Таким образом, расширение незерновых и технических посевов вызывается тем же самым обстоятельством, какое привело к сокращению зерновых: крестьяне стремятся, насколько возможно, *сократить* невыгодные для них *рыночные сношения с городом*, вернуться к замкнутому хозяйствованию для собственных надобностей и вместе с тем *сжать производство до пределов физически необходимого*, чтобы таким способом обезопасить себя от непомерного обложения и реквизиций.

Относительно *скотоводства* мы располагаем такими данными⁸⁾:

Число голов скота (в ‰ к предыдущему году):

	1926	1927	1928
Лошади	108,8	108,1	104,5
Крупный рогатый скот	105,7	104,8	101,2
Мелкий рогатый скот	107,1	106,7	103,2
Свиньи	99,5	107,2	112,5

⁶⁾ Боголюбский, наив. статья, стр. 7.

⁷⁾ «Экон. Жизнь», от 6. X. 28 (передовая) и от 2. X. 28 (статья Виноградова).

⁸⁾ Н. Вишневский, Сельско-хозяств. производ-ство в 1928—29 году («Экон. Обзорение», 1928, XII, стр. 107). А. Муралов, О контрольных цифрах сельского хозяйства («Пути сельск. хозяйства», 1928, VIII, стр. 5—7).

Весь скот в переводе на крупный	106,5	104,9	102,3
В том числе рабочий скот	108,8	107,1	102,3
В том числе пользователь-ный скот	105,2	103,7	102,3

Эти данные говорят, что только свиноводство находилось в истекшем году в благоприятном состоянии. Все остальные виды скота, особенно рабочий, обнаружили, сравнительно с прошлым (1927) годом, *значительное ослабление прироста*, и это — несмотря на то, что и в 1927 году прирост стада был пониженным. И наблюдатели деревни единодушно объясняют это явление тем, что крестьяне усиленно стремятся *ликвидировать* так называемые «*излишки скота*», — во избежание налоговых и других неприятностей⁹⁾.

Ясно, что в скотоводстве в истекшем году наметились совершенно такие же процессы, как в полеводстве.

Трудно преувеличить роковое значение этой тяги крестьянства к «натурализации» и сокращению своего хозяйства. Мало того, что, в конечном счете, она грозит свести сношения деревни с городом к недобровольной уплате налогов и поборов, и тем сделать немыслимым существование сколько-нибудь крупной промышленности, опирающейся на внутренний рынок. Несравненно более важно, что уже в настоящий момент она вызывает бесчисленное количество хозяйственных «неувязок» и «диспропорций», опрокидывающих все мечты об индустриализации и заставляющих усомниться в возможности сколько-нибудь долго сохранить существующее промышленное положение без принятия каких-то чрезвычайных мер. Не случайно очередными хозяйственными злобами дня в истекшем году были следующие явления:

1. Провал хлебозаготовок и острый продовольственный кризис. В апреле—июне количество заготовленных хлебобудов продуктов опустилось до 86,4% того, что удалось выжать из деревни в те же месяцы в 1926—27 году; в июле оно упало до 31,2%; в августе — до 50,7%¹⁰⁾. В городах появились хлебные очереди, кое-где карточки и нормированные выдачи...

2. Резкий недостаток с.х. сырья. В льняной и махорочной промышленности он повлек за собой прямое сокращение производства¹¹⁾. В других областях легкой промышленности он не позволил развернуть производство в объеме, предусмотренном по плану.

3. Тяжелые экспортные затруднения. Наркомторгу пришлось прибегнуть к совершенно исключительным мерам для того, чтобы заполнить брешь в вывозе, образовавшуюся вследствие вынужденного прекращения хлебного вывоза, давшего казне в предыдущем году 172 миллиона рублей¹²⁾.

4. Валютный голод, уже вынудивший советскую власть к распродаже музейных ценностей и к другим сомнительным операциям. Его сила видна из того, что по одному только торговому балансу отрицательное сальдо достигало — за 11 месяцев истекшего года — 174 милл. рублей¹³⁾.

5. Затруднения с ввозом фабрично-заводского

⁹⁾ Конъюнктура народного хозяйства СССР в июне («Экон. Жизнь», 31. VII. 1928). Н. Вишневский, наив. работа, стр. 108.

¹⁰⁾ «Экономич. Обзорение», 1928, IX, стр. 164.

¹¹⁾ Л. Кафенгауз, «Государственная промышленность в 1927—28 году» («Торгово-промышленная газета», 30. IX. 1928).

¹²⁾ «Торгово-Пром. Газета», от 3. X. 1928 (передовая статья).

¹³⁾ Там-же.

оборудования и других недостаточных, остро-необходимых товаров...

Все эти «неувязки» тем более приковывают к себе внимание, что, вне коренной ломки хозяйственной политики, у советской власти *нет средств к их преодолению*.¹ Ведь ставка на колхозы и совхозы явно для всех обречена на провал, ибо, если эти паразитарные организации и способны что-нибудь дать городу, то лишь по ценам выше рыночных. Сотни миллионов, ассигнуемых на них в предстоящем году, несомненно будут пущены на ветер, если, конечно, не считать того, что на разорении «зерновых фабрик» разбогатеет не одна тысяча коммунистов. Что же касается усиленного применения «контракта», то, поскольку последняя будет производиться на мало-мальски выгодных для крестьян условиях, она окажется неприемлемой для советской власти и, по существу, ненужной мерой, ибо на подобных условиях крестьяне не отказались бы обслуживать город и без всяких формальных обязательств; поскольку же советская власть будет придавать ей ростовщический характер, она не приведет к существенным результатам, ибо нельзя закабалить настолько большое число крестьянских хозяйств, чтобы обеспечить хлебом города и сделать возможным с.-х. вывоз... С другой стороны, все эти хозяйственные неурядицы находят, конечно, в населении свой социально-политический отклик и усиливают «контр-революционные» течения.

Но обнаружение невозможности продолжать «социалистический опыт» за счет деревни не является единственным событием истекшего года, делающим его знаменательным моментом в истории сов. хозяйства. Другое событие того же порядка заключается, как мы уже указывали, в окончательном выявлении внутреннего *бессилия* и хозяйственной *нежизнеспособности* сов. государственной промышленности.

До истекшего года кое-кто мог думать, что, с помощью спецов, советской власти удастся в конце концов хозяйственно оздоровить казенные фабрично-заводские предприятия и наладить в них устойчивый деловой порядок. Во всяком случае, мало кто сомневался в том, что в своих собственных интересах она будет упорно стремиться к этому.

Истекший год положил конец подобным расчетам и надеждам, — и в этом заключается непререкаемое историческое значение Шахтинского и других аналогичных процессов.

Названные процессы доказали, что советская власть ничуть не является по отношению к промышленности *рачительным хозяином*, что, ра-

ди действительных или воображаемых политических выгод, она в любой момент может поставить на карту ее самые жизненные интересы. Вместе с тем они раз навсегда разбили мечту о добросовестном деловом сотрудничестве советской власти со спецами, ибо нет «сотрудничества» там, где одна сторона оказывается на положении выючной скотины, которую сначала надрывают в работе, а затем отправляют на живодерню.

С другой стороны, вызванный процессами рецидив фабрично-заводской анархии обнаружил всю непрочность налаженного было в промышленности, за время НЭП-а, делового порядка, всю его неспособность противостоять мало-мальски серьезным хозяйственным или социальным испытаниям. В то же время он породил у вдумчивых наблюдателей справедливое сомнение в возможности скорого восстановления дисциплины. Можно ли ждать от ошеломленных и запуганных спецов прежнего усердия и инициативы? И может ли сов. власть, не рискуя своим престижем в рабочей массе, пустить в ход сколько-нибудь жесткие меры оздоровления фабр.-заводской промышленности?

Нельзя, наконец, забывать об общем угнетающем влиянии в связи с процессами слухов об «измене на хозяйственном фронте». Как те, кто поверил клевете на спецов, так и те, кто ей не поверил, — все одинаково прониклись ощущением, что *в промышленности что-то неладно*, что ей грозят какие-то испытания, ответственность за которые власть спешит свалить на чужие плечи.

При таких условиях вряд ли остался в России какая-нибудь группа населения, у которой не поколебалась бы в истекшем году вера в государственную промышленность. Под вопросом оказалась не только способность последней сыграть чудодейственную роль народно-хозяйственного Мессии. Не могло не возникнуть раздумий даже относительно того, в какой мере разумно рассчитывать на достижение ею в предвидимом будущем самых скромных успехов, — напр. заметного снижения себестоимости, соответствия заработной платы высоте производительности труда и т. п. И, конечно, в первую очередь всякие иллюзии на этот счет должны были пропасть у *ответственных руководителей* хозяйственной политики...

Все изложенное делает понятной ту тревогу в рядах советской власти, которая всем бросается в глаза в последнее время. Если ни общая народно-хозяйственная обстановка, ни внутреннее состояние государственных предприятий не сулят ничего доброго «строительству социализма в одной стране», откуда взяться у коммунистов бодрости и спокойной выдержке?

Д. Иванов.

В России.

По партийной командировке в Россию*).

В задачи поездки было поставлено: по данным мне адресам установить связи, обслужить адресатов информацией и литературой, выяснить возможности для партийной работы и в частности для создания групп Трудовой Крестьянской Партии.

В ноябре я тронулся в путь с тюком партийной литературы, 264 червонными рублями и почти без всяких личных документов, если не считать чужой и случайной военной книжки. По

* Собственные имена (сел, городов, лиц) всюду изменены или опущены. Редакция.

плану, я должен был с контрабандистами пересечь границу и затем добраться до города Ивановска, чтобы в нем некоторое время пожить и получить паспорт для дальнейшего путешествия.

Контрабандистов на границе не оказалось. Решил было подождать их прихода, но это оказалось невозможным, не рискуя собой и тем человеком, у которого я остановился. Пришлось передвинуться немного вдоль границы к другому крестьянину и с ним перейти границу. С русской стороны неподалеку от границы жили его родственники, которые должны были отвезти меня на подводе до села Петровского к Михайлову —

человеку вполне надежному. Переход через границу прошел благополучно. Без всяких приключений добрался и до родственников моего проводника. Тут, однако, возникли осложнения: двое мужчин в семье болели, со старухой ехать было невозможно, а молодая была на-сносях в последний период. Пришлось нанять постороннего человека, который и свез меня до Петровского. Трудности с подводой продолжались и там: Михайлов везти меня наотрез отказался, другой рекомендованный возчик — тоже. Подрядил случайного человека, о котором Михайлов предупредил, что человек он ненадежный... В Петровском началось мое соприкосновение с советской жизнью. Михайлов расспрашивал меня о заграничной жизни и рассказывал о жизни подсоветской. Он убежден, что сельским хозяйством теперь заниматься никакого смысла нет, хочет поступить поэтому на советскую службу. Рассказывал о неурожаях и страшной рисовал будущую весну. При отъезде снабдил меня маслом и хлебом. Предложил ему за это рубль. Возвратил — берегите, говорит, на доброе дело, из-за которого приехали.

Еду дальше. Мой возчик из бедняков. Его тачая кляча еле-еле передвигает ноги. Возчик жалуется — перебиваюсь, говорит, с хлеба на воду, неурожай зарезал. Подсобные заработки есть, можно бы извозом заняться, но дорог фураж — овес три рубля пуд. При таких ценах больше проработаешь, чем выработаешь. Власть не критикует, но спрашивает — когда же опять появятся товары. Население в чистую обносилось, а мануфактуру ни за что не достать. Толкуют, говорит, что и деньги советские опять подешевели... В дороге возчик вдруг спохватился и потребовал от меня документ. Показываю свою воинскую книжку. Прочитал и удовлетворился. Возвращая, объясняет, что близка граница и он испугался — не из-за границы ли я. «А если бы из-за границы?» Отвечает: попадись я с таким седоком, горя бы наглодался и я... В дальнейшем возчик совершенно убеждается в том, что я — студент, был на летних практических работах, к Михайлову приезжал гостить и теперь еду в город Ивановск к родным.

Ночуем в селе Сидоровском на заезде двора. Хозяин требует для прописки в своей книге документ. Даю опять воинскую книжку. Удовлетворяется. Рано утром, еще за-темно выезжаем. Направляемся в Карповское. Это — районный центр. Тут милиция, *рик*, винная лавка, кооператив. Останавливаемся у кооператива — я, чтобы купить табаку, возчик — овса. Табак есть, овса нет. «И во всем Карповском его не найдешь», сообщает приказчик. «Дальше по пути к Ивановску, может быть, достанете. Поручиться, однако, нельзя»... Проезжаем еще верст двадцать и останавливаемся кормить на новом постоялом дворе. Сюда же заехали два крестьянина погреться и попить чайку. Тут же временно проживает охотник. За чаем все знакомимся. Узнав, что я студент и лето пробыл в важном, по их оценке, центре, расспрашивают меня о новостях, особенно интересуются войной — будет ли, скоро, с кем? Охотник оказался интересным собеседником, фронтовик. Был в плену в Германии. Открыто и сильно возмущается советским житем. Охота неудачна: нет зверя и за шкуры платят по дешевке. СССР противопоставляет Германии, где, говорит, даже во-время войны жили гораздо лучше, чем живут в СССР в мирное время. Крестьяне ему подлакивают. Еще бы не подлакивать: внешний вид крестьян (от шапки до валенок все в лохмотьях и заплатах) кричит о вопию-

щей нужде... Часа через два трогаемся снова в дорогу. На середине пути к Семеновскому неожиданная и неприятная встреча с членами комьячейки из села Матеевского — отлично меня знающими. Останавливаются, здороваются. Спрашивают — куда еду? Отвечаю, что домой. Разговор на этом и окончился... В сильнейшей степени меня интересовало — что комьячейщики предпримут по отношению ко мне? Какие-нибудь меры они должны были взять, так как мое прошлое и моя борьба во всех формах против комвласти им были прекрасно известны. При обратном проезде узнал, что от них обо мне никто ничего не слышал. Значит, промолчали.

Ночуем в Семеновском. Хозяйка, угощая чаем, предупреждает, что это морковный, настоящего чаю нет. Хозяин, бывший повстанец, жалуется на неурожай, бестофарь, на отсутствие побочных заработков. Спрашивает — когда же заживем по настоящему. Весной, говорит, будет беда — сеять нечего, а купить негде и не на что... Общий вид деревень, через которые проезжали, подтверждает его жалобы — нигде не видать старой соломы, а по верному крестьянскому взгляду, где нет соломы, не ищи и хлеба.

В следующие дни начинаются села с моими друзьями. У первого же из них узнаю, что все считают меня находящимся в повстанцах; есть лица, которые меня, якобы, в повстанческом отряде видели. Из-за меня арестовали моего старшего брата и держат в тюрьме в том же городе Ивановске, в который я теперь пробираюсь! Друг удивляется моей открытой поездке: тебя же, говорит, свои комьячейщики снимут... И здесь та же картина: прежде недороды и недосевы, нынешнее лето неурожай; всё это в конце разорило села. Прибавился еще насильственный передел земли, при котором более зажиточных посадили на плохую землю, средних крестьян — на среднюю, бедняков — на лучшую, а в результате ни у кого нет хлеба. Села прежде были богатыми. Крестьяне в них имели возможность даже давать своим сыновьям высшее образование. Теперь только большие хлебные амбары с пустыми закромами напоминают об этом ушедшем времени.

Заезжаю ко второму другу в громадном селе. Тот поражается: думал, говорит, ты едешь арестованным, но нет конвоя и ничего не понимаю, чудеса какие то! Рассказываю ему о причинах своего появления. Советует пробыть подольше, чтобы село проехать в темные часы, иначе будет плохо, так как меня ищут. Расспрашиваю о возможностях политической работы. Считает, что обстановка теперь гораздо лучше, чем в прошлые годы — комьячейки и комсомольцы стали значительно меньше «стукачами»; при них уже можно многое говорить и сойдет с рук; крестьяне стали смелее, потому что воочию убедились в невозможности жить и дальше так, как живут сейчас. Организовать партийную группу, говорит, берусь; оставь литературу и я объезжу с ней большие села. Сочувствие будет, потому что все охают и ахают, работы же никто не ведет; все ждут почина от эмиграции. Все, кто политически думает, представляют, что эмиграция, если не представляет одно целое, то во всяком случае вся объединенно работает. О различных политических течениях в эмиграции и партийных группировках ничего не знают... Оставляю ему часть литературы и даю указания по системе организации. Систему принимает и одобряет. Снова обещает действовать и заверяет в успехах. На прощанье снабжает меня членским билетом профсоюза пастухов; жалеет, что не имеет паспорта,

чтобы дать мне. Разъясняет, что профсоюзный билет не дает права на передвижение и на перемену местожительства, но для удостоверения личности он достаточен и с ним за бездокументность не арестуют; не мог дать мне и удостоверения личности от сельсовета, так как по новому положению удостоверения личности для передвижения вне пределов своего района теперь выдает районная милиция (в пределах своего района гражданин может передвигаться без всякого удостоверения).

Снова едем. Рассчитываю, что в Ивановск попаду при еолнце. Это опасно. Начинаю поэтому, как лисица, двигаться по ломаной линии. Уговариваю возчика заехать сначала в одно село, потом в другое. В первом селе перепугал своего знакомого на смерть. На человека напал безотчетный, но сильнейший страх. Все волновался и спрашивал — что же ему теперь делать? Вдруг да узнают! Горе ему, горе! И чуть не плачет. Сначала успокаивал, а потом вижу — ничего не действует. Тогда, смеясь, говорю — ложись, да помирай, пока я здесь, а сам пошел в избу. Хозяин ничего другого не придумал, как убежать в лес. В избе младший брат хозяина и его жена. Эти не боятся — спокойно беседуют со мной, смеются над хозяином. У него, говорят, теперь медвежья болезнь, оттого и в лес убежал... Брат хозяина соглашается со мной, что сложав руки теперь сидеть нельзя, на всех надвигается гибель... Наступил вечер. Хозяин возвратился из леса. Узнав, что я уезжаю, обрадовался и стал торопливо рассказывать о жизни. Задавили. Пикнуть не дают. Того и гляди потащут в ГПУ. Разорили. Не знаю, как и жить дальше. Предлагаю ему литературу — это, мол, излечит тебя от страха и научит, как жить. А он опять в панику: только не оставляй, просит, литературы; Боже сохрани!.. вдруг обсык... расстреляют... При прощании все благословляют и по братски целуют. Еду и смеюсь над паникой хозяина, а на душе от благословений и поцелуев, в том числе и хозяина, как то теплее... В другом селе только попили чайку на постоялом дворе. Думал, что хозяин его меня не знает. Был удивлен поэтому, что с первых же слов он начал и жаловаться, и ругать власть — в особенности за ее налоговую политику (берут промысловый налог, потом подомный, затем сельхозналог). После узнал, что хозяин меня хорошо знает, но человек он порядочный и выдачи ожидать от него нельзя.

В Ивановск приехали глубокою ночью. Весь город уже спал. С трудом достучался к своему старому и хорошему знакомому. С первых же слов спрашивает — кем и командирован. Знакомлю его с нашей партией — с ее программой, тактикой. Спрашивает о составе партии, о работе, о политических группировках и вообще о жизни за границей. Переходим к общим знакомым — кто где, чем занимаемся, как живут, каковы политические настроения. Спать легли, когда забрезжил свет. Знакомый предложил позжиг у него дней пять. Дольше этого оставаться считает опасным, так как ехал открыто и возможно, что ГПУ уже знает о моем проезде. Подтвердил об аресте моего старшего брата и о том, что меня усиленно ищут. Рассказал об арестах среди интеллигенции и крестьян. Последних, по его мнению, арестуют в порядке подготовки к перевыборам в советы — всех наиболее ярких и деятельных избирают, чтобы не мешали.

Утром пришел один из намеченных нами при ночной переборке знакомых. Рассказывает о себе. Прежде политически активный, теперь под влиянием больших неудач в личной жизни из-за

своего прошлого превратился в обывателя. Тревожат только знакомые крестьяне: при каждой встрече пристают с вопросами — ну, когда же опять на борьбу, что надо делать? В ответ приходится сознаваться, что никто ничего не делает и я сам в том числе; больше сказать им нечего... Люди для работы имеются, но нет организаторов, нет платформы, которая бы давала удовлетворение и отвечала новым обстоятельствам; о прежних партиях ничего не слышно, да и доверия им нет. Высказывают сожаление о малой активности эмиграции. Сообщает, что летом в их местах были какие то вооруженные отряды, но зачем появлялись они — неизвестно, даже никакой литературы не распространяли. Спрашивает — от кого командирован я. Знакомлю его с Трудовой Крестьянской Партией — с ее идеологией, программой, тактикой. Рассказываю, как сам набрал на нашу партию за границей. Высказываю убеждение, что среди крестьянства она найдет горячее сочувствие и даст им и программу для организации, и форму организации. Относится вдумчиво и никакого ответа сразу не дает. Берет литературу. Дома, говорит, прочитаю, продумаю и вечером приду снова. Советует мне днем не выходить, так как в связи с перевыборами в советы ГПУ усиленно работает. Уходит.

Остаюсь один. Принимаюсь за советские газеты. Передовицы трещат о «правом уклоне», сыплют цитатами из воззвания генерального секретаря ВКП(б) к членам ВКП(б)», призывают сплотиться вокруг «ленинского ядра». Дальше пишут о борьбе за новый быт, за новую деревню; бичуют пьянство и хулиганство. Нестерпимую скуку несет от грязноватых советских газет... Остаток дня провожу за упражнениями в шифровке. Отчаянно путаюсь в Символе Веры, служившем ключом к шифру — забыл. Обращаюсь к помощи своих хозяев. Они путаются не меньше меня. Сбежали к своим знакомым за молитвенником — ни у кого не оказалось. Сходили в советскую книжную лавку — там таких книг не держат. Так и не удалось мне восстановить забытую молитву... Начинаются опять разговоры. Моего хозяина интересует вопрос — что будет весною. Хорошо бы, говорит, сделать толчок из-за границы, население бы примкнуло. Разъясняю невозможность этого и нецелесообразность: при нынешней распыленности населения и неоформленности его в смысле программы, толку никакого не получится; нужно хотя бы половину активных против-советских сил охватить организацией, прежде чем выступать. Долго, говорит, это продолжится, надо бы скорее, население уже нестерпим.

Вечером пришел утренний посетитель. Спрашиваю — какое впечатление произвела наша литература. Отвечает с некоторой восторженностью: «все, что у вас написано, и сам переживаешь и как-то инстинктивно схватываешь, но изложить все в стройном порядке, вывести ясную и цельную программу — на это сил не хватает. Теперь все это у меня в руках и ничего из воздуха выдумывать не надо». Расспрашивает о принятом партией способе организации. Отвечаю, и он одобряет. Задает вопрос — могу ли я сделать его полномоченным нашей партии. Учитывая необходимость такового в Ивановске, отвечаю согласием. Начинаем сговариваться о лицах, которых полезно втянуть в ядро организации. Договорились. Условились о технике сношений.

Еще через день перебираюсь на новую квартиру. Там упаковывая особенным образом литературу для дальнейшего пути; новые хозяева достают мне подводу, и с одним сопровождающим товарищем еду на станцию. Добираемся благопо-

лучно, но паспорта у меня опять нет — не могли достать его и в Ивановске. Товарищ покупает на станции мне билет, осматривает вокзал и платформу, ничего подозрительного не замечает и, когда приходит поезд, усаживает меня в него. Перед самым отходом поезда на платформе все-таки появилось трое знакомых, но люди они безвредные и никакой пакости от них не ожидаем.

Еду почтовым поездом. Пассажиры все больше совслужащие. По сравнению с крестьянской и рабочей массой, ходящей в полулохмотьях, они одеты сносно и даже — так кажется после деревенской нищеты — богато. Другие, чем в деревне, и разговоры: они все время вертятся вокруг жалования, одежды, вечеринок; кое кто сообщает газетные новости. О комвласти ни одного слова. Судя по этой публике, можно подумать, что в России все благополучно, во всем порядок и всем всего хватает. Было несносно от этой обывательщины.

Поездом приезжаю к следующему знакомому совслужащему. Тут меня ожидала неожиданность — знакомый превратился в троцкиста. Литературу нашу все-таки прочитал, но после чтения сказал, что она вся кулацкая и подстать только кулаку. Признает, что в подсоветской деревне она несомненно найдет отклик, но сам относится к ней презрительно... Не достал паспорта и у него: своего нет, а доставать его у других — это может оказаться медвежьей услугой для меня... Прожил у троцкиста два дня. Ходил осматривать город. Он такой же, как и прежде, нет только прежнего оживления. Торговли, кроме рабочего кооператива, казенных винных лавок и госторга, да еще нескольких жалких лавочек частных лиц, никакой. Плохо дело с мукой — кооператив выдает ее только по 5 килограммов в месяц на едока и при том не каждый месяц. Частного подвоза почти нет. На мучном базаре пусто. Изредка появляющаяся черная мука вдвое дороже, чем в кооперативе... Кроме троцкиста, в этом городе у меня ни одного знакомого. Делать тут нечего, и я решаю ехать дальше.

Меня везет поезд «Максим Горький» — это прежнее название за ним сохраняется и теперь. Поезд тихий, дешевый, и в нем едут почти исключительно рабочие и крестьяне. Иная, по сравнению с почтовым поездом, публика, иные и речи. Разговоры идут сплошь на темы дня. Все злобно ругаются в адрес власти. Крестьяне возмущаются увеличением налога против прошлого года, несмотря на урожай. Рабочие недовольны растущей безработицей, которая подкрадывается к каждому из говорящих, и поднимающейся дороговизной жизни. Среди всех острый антисемитизм... Съестных продуктов на станциях мало и они страшно дороги — серый пшеничный хлеб до 15 копеек фунт, кусочек мяса размером в спичечную коробку — 10 копеек.

При пересадке со мной, благодаря отсутствию паспорта, случилась неприятность, после которой я был вынужден повернуть назад. Поехал другим путем, держа направление на город Яковлевск, ныне превращенный в районный центр. Там был у меня личный знакомый. Добравшись, прожил у него три дня и в это время съездил в крупное село с большим советско-торговым предприятием. Служащие предприятия настроены против коммунистически, но часть из них наша литература не удовлетворила. Вы, говорили они, все танцуете вокруг печки, а надо танцевать от нее; необходим интернациональный размах, ибо коммунисты сильны как раз этим козырем; не будем говорить о том, что они ведут государство и народ к гибели — это ясно каждому честному гражданину, но

все же они орут о всем мире и оттого имели успех... В Яковлевске встретился со студентом, оканчивающим с.-х. вуз. Был прежде комсомольцем, теперь им не является. Говорил, что выхода нет; взятого курса коммунисты изменить не могут; неизбежен крах и переворот. Тогда, по его мнению, придется воевать, так как за граница обязательно выдвинет какого-нибудь русского генерала, который будет прикрытием для иностранных вождений... Познакомил его с политической эмиграцией и с группировками внутри ее. Предложил литературу. Не берет: надо, говорит, окончить вуз, а то я и без того обеими ногами стою на наклонной плоскости... Рассказывал интересные бытовые картинки из своей летней практики. В городе Федоровском была устроена выставка по животноводству. Экспонаты были представлены одной коммунальной и отдельными крестьянскими хозяйствами. Оценочная комиссия выставила экспонатам коммуны ноль и единицу, а частно-крестьянские экспонаты расценила в 2, 3 и даже 4 балла. Дошли до распределения наград, и тут комиссии затопталась. Строгие приказы сверху предписывали выдавать первые по ценности награды колхозам-коммунам и артелям. Представители местной власти, основываясь на этом требовании, говорили, что комиссия изменила бы советской власти, если бы частично хозяйство предпочла коммуне. Комиссии пришлось подчиниться. Когда прочитали ее постановление перед посетителями выставки, и те узнали, что первая награда (рядовая саялка) присуждена за хорошее животноводство коммуне, то крестьяне покатались со смеху. Ну, и животноводство у коммуны! — говорили они, — скот коммунальный еле ноги волочит... Кооперативным организациям из центра предписывают собирать грибы и орехи в таких местах, где не растет ни одного кустика... Много было и других рассказов в этом же роде.

В Яковлевском оставил литературу кооператорам. Взяли они ее охотно, но сказали, что будут читать только в своей среде; от организационной работы среди крестьян отказались, прямо заявив, что боятся за свою шкуру. Ко мне кооператоры все время относились хорошо — предлагали деньги и оказали ряд важных других услуг. Против коммунистической борьбе искренно сочувствуют, но сами остались такими же тихими и робкими карасями, какими всегда были... В селе, в которое ездил из Яковлевска, прожил день у крестьянина-общественника. Он входил раньше в комячейку, потом разочаровался и вышел. Комячейка после его ухода развалилась, так как другого человека, чтобы вести ее, не нашлось. Затем был секретарем кресткома и секретарем сельсовета. Теперь оставил эти посты и руководит местным кооперативом. Говорил, что перевыборы в советы в их селе были несколько раз, но состав совета по экономическому признаку оставался одним и тем же: большинство всегда принадлежало зажиточным; бедняки никакой самостоятельной линии не ведут и по своей малой культурности вести не в состоянии. Предлагал ему заняться нашей организационной работой. Отказался, так как не видит людей, способных вести ее, а дело, по его мнению, требует большой и постоянной выдумки. Сам предложил зато распространять нашу литературу — не только в своем селе, но и среди более развитых крестьян соседних сел. Сказал, что будет помогать им и разъяснениями того, что написано в наших изданиях... Литературу ему, конечно, оставил.

Из Яковлевского опять съездил в тот губернский город, где со мною произошла неприятность. На это раз все обошлось благополучно, но своих

знакомых не нашел — или уехали сами или были переведены по службе. Последняя надежда на получение паспорта и на содействие в других формах, в которых у меня была нужда, пропала, и я решил возвратиться на продолжительное жительство в Ивановск. Когда приехал туда, узнал, что по всему городу идут обыски, облавы и аресты — ищут меня. В доме, в котором я остановился, принудительно поселен какой-то подозрительный человек — вероятно, шпион (в момент моего приезда он ушел за покупками). Переехал было в другой дом, но и там оказалось неблагополучно. Пришлось уехать в ту же ночь по той же дороге, по которой ехал в Ивановск из-за границы. Опять те же села, те же в общем лица, те же жалобы и разговоры. Всюду один и тот же волнующий вопрос — как дальше жить? Что надо делать? Ломают голову над этими вопросами и вся нынешняя Россия.

Через два месяца от начала путешествия по России я снова покинул родную землю и очутился на чужой.

Январь, 1929.

Сын крестьянский.

В умирающем городке.

...Полпредство отказало мне в визе два раза, но я не унималась: пустила в ход новые связи, подала третье прошение, снова заполнила просторные анкеты и опять ждала. И плотно прикрытая дверь поддавалась: по почте пришло разрешение на въезд в СССР. На другой день я была уже в поезде, а еще через два дня на крестьянской подводе подъезжала к своему городку. В нем я родилась, росла, училась, выросла. Десять лет назад покинула его и с тех пор в нем не бывала. За ним, однако, следила и знала, что городок пережил много: в его уезде не раз пылали крестьянские восстания, сам он оказался на путях гражданской войны, и ее страшные волны два раза перекатились через него, неподалеку от него разыгралось в 1919 году одно из тех решающих сражений, после которых белые армии стремительно покатались к югу, пока не докатились до моря и эмиграции; по письмам близких знала, что в 1921—1922 году городок голодал, а его уезд вымирал от голода, что жизнь в городке становится все глуше, а жить в нем все труднее. Все эти сведения живых представлений, однако, не давали, и с жадным любопытством, обостренным всеми воспоминаниями былых прожитых лет, я ждала встречи с ним.

Ожидала больших перемен, но то, что увидела, далеко перешагнуло за самые крайние из моих предвидений. Как изменился, как посерел и постарел мой бедный городок! Какая печать умирания и смерти лежит теперь на нем!

Маленьким и тихим, мало кому известным, был городок и прежде, но все же тогда два раза в год в нем гудели многолюдные ярмарки с тысячами голов скота, с горами горшков и многочисленными торговыми палатками; каждое воскресенье в нем шумели базары с сотнями крестьянских подвод, полных хлебом для продажи, и с толпами крестьян-покупателей; тогда посредине огромной четырехугольной площади, застроенной со всех сторон домами, в пять рядов стояли постоянные лавки; дымила и фыркала паровая мельница; осенью и зимой раз, а то и два раза в неделю на ближайшую станцию из городка тянулись длинные обозы с зерном; каждое утро и каждый вечер мимо нашего дома на окраине городка рысцой, позванивая колокольчиками и бу-

бенцами, на ж. д. станцию и со станции проезжали пары и тройки, отвозя и привозя пассажиров. Ничего этого теперь нет: исчезли ярмарки, на воскресные базары приезжает только десяток-другой крестьянских подвод, разрушена паровая мельница, не тянутся прежние обозы, не звенят колокольчики почтовых пар и частных троек — вместо них гремит иногда крестьянская телега с пассажирами, да и то не каждый день. От былых торговых рядов давно нет и помину: уже несколько лет назад все лавки были разобраны по распоряжению власти, которая стремилась в буквальном смысле «старый мир разрушить»; прежняя большая площадь — сделалась теперь огромной и удручающе пустынной; посредине осталось только здание присутственных мест, единственная в городе церковь, да маленькая часовенка — за последние годы обветшавшая и уже рассыпающаяся. На месте торговых рядов жители в течение двух лет, в порядке выполнения натуральной повинности, сажали и поливали деревья, затем деревья были предоставлены самим себе и теперь от них никаких следов.

Исчезли не только торговые ряды. На площадь выходили прежде девять улиц. Почти все они начинались с площади каменными домами. Улицы остались, но кирпичных угловых домов нет — они были сначала национализированы, а затем властью разобраны. Совершенно разобрана также большая каменная казарма. Разобраны и еще некоторые кирпичные дома, стоявшие по сторонам площади, оставив после себя зияющие пустоты. Вся эта разборка домов производилась сознательно, по плану и в порядке нового строительства. Прежнюю земскую больницу, выстроенную из дерева, власть решила заменить каменной. Кирпича на нее не было, и из-за него коммунисты начали ломать жилые дома. Больница строится. Постройка ее ведется уже три года, закончиться должна бы через два, но для всех очевидно, что вряд ли будет закончена и через три. А когда закончится, не начнется ли ее немедленное разрушение? На это раздумье наводит качество кирпича, идущего на больницу. Кирпич, добытый из разрушенных домов, был крепок, но его далеко не хватало, и коммунисты начали вырабатывать новый. Он то вызывает большие сомнения. В непосредственном соседстве с моим городком издавна работали два кирпичных завода. Коммунистами они были, конечно, социализованы. Сначала, два-три года, они бездействовали, потом были пущены в ход. Работают уже три года. Весь кирпич идет на больницу. Но что это за кирпич! В этом году партия кирпичей в 3000 штук из-за нехватки дров при обжигании превратилась в один сплошной ком. На другом заводе в этом же году печь, наоборот, перекалили, и кирпич вышел рассыпчатым. Браком его, однако, не посчитали — признали годным и пустили на постройку. В одиночку этот кирпич рассыпался даже при кладке. Тогда изобретательная власть придумала выход: было приказано делать квадраты из буржуазного кирпича, полученного при разборке домов, а пустые пространства внутри квадратов заполнять кирпичем «социалистического» производства.

Новая больница пока строится. На старую тем временем махнули рукой, и она без достаточного ухода и ремонта быстро разрушается. Побывала я и внутри больницы. Комнаты запущены, грязны, плохо проветриваются, и воздух в них тяжелый; грязно белье на постелях, грязно — и далеко не у всех имеется — больничное белье на больных (много в больнице лежат и ходят в своем собственном белье). В недостатке медикамен-

ты, перевязочные средства и особенно термометры. О больничных порядках я узнала при встрече с одним старым и уважаемым «медработником». «Мы теперь больше в карты дуемся», сказал он мне: «работать в больнице невозможно. Председателем больничного комитета у нас сапожник Пьянкин, в медицинских делах ничего не смыслит, а у него надо обо всем спрашивать. Ему бы подметки прибивать, когда не пьяный, а он, каналья, больных лечит — даже и в пьяном состоянии. Ну, да мы — старики — снесем, жить осталось недолго, а вот молодым работать в таких условиях тяжело. А придется и им привыкать: крест России предстоит нести долго, пока не переработается все и не войдет в норму».

Попривыкли, однако, и молодые. Через несколько дней разговаривала я с целой группой служащих в той же больнице, и вот что сказала подруга моего детства при общем согласии остальных: «слава Богу, мы всё уже пережили, обтерпелись и теперь привыкли. Новые порядки уже не дают нас до невыносимости. А вот как привыкнете и переживете всё это вы, которые долго жили вне нашей жизни?».

При этой готовности чувствовать себя если не удовлетворенными, то привыкшими и спокойными, бросалось в глаза всеобщее отрицательное отношение к коммунистам и тем более к вхождению в их партию. Общественное мнение маленького городка открыто в этом смысле, конечно, не высказывается, но поговори с каждым из жителей в одиночку и откровенно и от всех слышишь одно и то же отрицательное отношение. Это не значит, что ряды коммунистов не пополняются — некоторые идут к ним, но идут по горькой необходимости. При мне в одной близкой семье внешне закончилась тяжелая двухлетняя драма. Сын в этой семье служил в советском учреждении. Работником был на редкость аккуратным, исполнительным и толковым. Несмотря на это, он три года оставался всё при том же ничтожном жалованье в 12 рублей в месяц; мало этого — несколько раз ему грозила потеря службы при ясном сознании невозможности найти другую работу. Молодой человек давно понял необходимость пойти в кандидаты компартии, чтобы укрепить свое служебное положение и повысить жалованье. Его мать была в отчаянии от этих намерений сына. Слезами, просьбами, угрозами она два года удерживала его от рокового, по ее мнению, шага. Должна была, однако, сдаться, и при мне ее сын стал кандидатом. Рассчеты молодого человека были верны: через две недели после зачисления в кандидаты он получил прибавку в 50% к прежнему жалованью, получил возможность поехать на три недели в дом отдыха и там бесплатно жить, получил даже бесплатный проезд по железной дороге в дом отдыха. Трудно при таких условиях устоять от вхождения в касту правящих Россией. И все-таки идут туда лишь редкие.

Еще реже вхождение в деревнях. В другой знакомый мне дом уже двадцать лет подряд ходит раз в неделю крестьянка из подгородной большой деревни делать тяжелую домашнюю работу. Она горько жаловалась мне на отбирание хлеба коммунистами и на невозможность вести хозяйство. Говорила, что ни они, ни их соседи впредь не будут сеять больше, чем нужно для собственного пропитания, что хозяйствуют теперь «без всякого интереса». Прибавляла, что деревенским коммунистам делают, конечно, всякие «снисхождения» и им жить легче. На мой вопрос — почему же они не войдут в коммунистическую партию, обиделась и запальчиво воскликнула — «разве у нас стыда

и совести нет! К ним идут только самые последние люди в деревне!».

После этого разговора я подумала — действительно ли у моих интеллигентных собеседников все тяжелое уже позади? Не предстоят ли им новые, не менее тяжелые испытания — ну, хотя бы в отношении продовольствия? Уже и при мне в городе не хватало продуктов. Они появлялись как-то временно, а потом то муки нет, то какой-нибудь крупы, то масла ни за что не достанешь, то яиц нет. А в словах моей знакомой крестьянки звучала твердая угроза дальнейшего ухудшения, так как хозяйствовать начали опять «без всякого интереса».

...В храмовой праздник пошла я в церковь и была поражена. Всегда в этот день в прежние годы поместительная церковь не могла вместить молящихся и народ толпился в ограде. Теперь в церкви было только два-три десятка молящихся и при том исключительно дряхлых старушек и стариков. Молодежь (городская и сельская) совершенно отсутствовала. Как много должно было измениться в народной душе, чтобы могла произойти такая резкая перемена в посещении храма! Начала расспрашивать и оказалось, что мое личное наблюдение — не случайность, что упадок православной религии явление давнее и стойкое, что наблюдается он по всему уезду. Выяснилось, с другой стороны, что «место свято пусто не бывает», и уход от православной церкви не обозначает ухода в безрелигиозность: в уезде среди крестьянства сильно растут различные религиозные секты. Особенным успехом пользуются субботисты (субботовцы). Странно было мне слышать об успехе этой секты — занесенная в коренную Россию из бывшей черты еврейской оседлости, как она могла вербовать теперь своих многочисленных последователей при широком распространении по всей России и в моем городке с его уездом острого антисемитизма? И, однако, успехи этой секты среди крестьянства утверждали мне все, кто соприкасается с жизнью деревни в моем уезде.

...При мне родному городку был нанесен новый удар: из уездного центра его разжаловали в районный пункт и ряд учреждений начал переноситься из него в новый областной центр, бывший прежде нашим губернским городом. Родной городок превращался в деревню. Его жители были обречены на переход к сельскому хозяйству. Впрочем, этот переход идет уже давно: длинный ряд своих близко и давно знакомых семей я по приезду нашла занимающимися то продажей молока от своих коров, то разведением свиней, то прямо хлебопашеством. У большинства это было подсобным занятием, но у некоторых уже основным. Теперь число последних должно быстро возрастать.

...Шесть недель прожила я в милом и тихом городке. С первого же дня, когда я увидела пустынную площадь, разобранные дома, вспомнила о снесенных торговых рядах, когда увидела, что и зелени в городке стало значительно меньше (много деревьев, не только лесных, но и фруктовых, пошло в голодные и морозные зимы последних лет в печи), мне показалось, что с городка содрали всю кожу, сняли все мясо и от него остался скелет — мертвый и пугающий. Чем дальше я жила и больше узнавала, тем сильнее вкоренялся этот щемящий образ. Он вставал во мне при разговоре с «медработником», который теперь «больше в карты дуется», при разговоре со знакомой крестьянкой, из хозяйства которой вынута душа, при посещении безлюдной церкви, при наблюдении молодого человека, пошедшего в коммунисты не по совести и убеждениям, а по горь-

кой необходимости, при собственных наблюдениях над постройкой больницы и расспросах о ней. Все жили и работали в маленьком городке, как на барщине — ни у кого ни в чем ни веры, ни убеждения, ни подъема; хмуро и лениво все отбывают тяжелую барщину, которую навалила на них безрадостная и беспросветная жизнь.

...Когда я уезжала, образ родного умирающего городка в сознании распространился на всю Россию — вся она умирает, вся разжалована, всюду по ней не живут и творят, а отбывают кое-как ненавистную барщину. «И горькие чувства кипели во мне».

Январь, 1929.

Н.

Из крестьянских писем.

1.

Ваше письмо с брошюрой о «Крестьянской России» и вырезкой из газеты получил. С чувством радости принял ваше сообщение о принятии меня в Трудовую Крестьянскую Партию, так как политическое одиночество в некотором роде является самоубийством, ибо невозможно вести какую-нибудь планомерную и полезную для Родины работу... Заверяю вас, что я надеюсь оправдать доверие партии, взгляды которой вполне отвечают моим... Брошюры «Как коммунисты борются с крестьянством» и «Как живут крестьяне в свободной стране» и остальные, по моему, неоценимы в перевоспитании крестьянских масс, ибо еще много таких, которые не сознают «хитрой механики налоговых платежей» и еще больше есть таких, которые совершенно не знают, как живут их собратья в других странах, в странах, где свобода и твердое право являются достоянием крестьянства... Об организации группы трудовой крестьянской партии — при личном свидании.

О жизни крестьян Забайкалья могу сообщить, что она тяжела и безотрадна. Налоги губительны, как весенние морозы для хлебных всходов. Пропала всякая охота засеивать поля, потому что много посеешь — налог задушит, а посеешь мало — не хватает на прожитие. Побочных заработков нет. А если бы и были — тоже не радость: и они

2.

Передел земли для нашей области является вопросом жизни. Так называемый, междуворный передел земли явился водоразделом в деревне. Этим вопросом власть добилась более ясного расслоения деревни. К великому сожалению коммунистов, с ними или за ними, пошла лишь та часть крестьян, которая способна «не скорбеть, а к чужим дарам поспеть». Трудовая часть крестьян резко проявляла свое недовольство разделом. Оказывается, что «середняк» — эта «центральный фигура земледелия» по Ленину, идет рука об руку с зажиточными, решительно отстраняясь от той части бедноты, которая в большинстве не трудовой элемент, а празднично живущий. Труженики бедняки не идут с комьячейкой. И это очень показательно: власть, рассчитывает на бедняка, а он поворачивает в ту сторону, где справедливость... В ряде сел раздел принимал острые формы борьбы, чуть не с колючими в руках. Такова политика расслоения, которая, в корне подрывая экономический рост сельского хозяйства, разжигает вражду среди селян. И большая и лучшая часть селян противостоит этому. В общем — время, жизнь и факты в данный момент исключительно благоприятны для организации распыленной ненависти крестьян в массовую вооруженную борьбу.

Из заграничной жизни.

Выборы в Латвии.

В начале октября в Латвии состоялись выборы в третий Сейм.

В голосовании принял участие необычайно большой процент избирателей, доходивший в некоторых местах до 95 процентов.

Перед выборами говорили, что ожидается сильное вычеркивание (в Латвии система изменяемых списков) лидеров, особенно Латвийского Крестьянского Союза, и что вообще произойдет большое изменение группировок в Сейме. Однако, все лидеры прошли крупным большинством, и соотношение сил в новом Сейме почти не изменилось. Крестьянский Союз сохранил прежние число мест (16 из 100), пострадали только социал-демократы — теперь их 26, вместо 33-х в прежнем Сейме. Семь утраченных ими мест перешли к впервые выступившим на выборах «профсоюзникам» (професс. организации, связанные с Московским Профинтерном) и независимым социалистам. Несколько усилилось правое крыло и меньшинства за счет левого центра. Из последнего совершенно

выбыли две группировки, которые не получили ни одного депутата; радикал-демократы и новохозяева. Последних во втором Сейме было три человека. Их провал объясняется, с одной стороны, участием лидеров новохозяев к ряду злоупотреблений, с другой стороны, тем, что по мере завершения аграрной реформы, существование особой партии новохозяев утрачивает свой смысл. Таким образом, если и можно говорить о небольшом сдвиге, то он, учитывая раскол в левом крыле, произошел в сторону усиления буржуазных (включая в это понятие и крестьянские) групп. О возможности левого правительственного большинства в нынешнем Сейме вряд ли приходится говорить. Руководящая роль, несомненно, будет принадлежать Крестьянскому Союзу, представляющему крупное крестьянство (свыше 40 десятин) балтийских районов, и в лице своих лидеров заинтересованному в ряде акционерных предприятий.

Меньшинства вышли из выборов усилившиеся. Евреи сохранили прежние число депутатов (4), поляки также (2), немцы, благодаря про-

веденной по всем правилам штабного искусства переборке избирателей из одних округов в другие, выиграли одно место, и теперь у них 6 депутатов. Русские также получили одно новое место (по Земгалии, от которой раньше не было представителя русского населения), и в третьем Сейме теперь 6 депутатов, прошедших по русским спискам, вместо прежних пяти.

Кроме того, прошел один русский по списку независимых социалистов в Латгалии, примкнувший уже в Сейме к профсоюзникам. (Разница между независимыми социалистами и профсоюзниками в том, что первые — коммунисты 56-ой пробы, а вторые — 96-ой). По списку социал-демократов в Латгалии избран также один русский (белорус). Получил один мандат и еврейский «Бунд». Но этих трех депутатов к меньшинственным причислить нельзя — они входят в латышские фракции.

Хотя русские и усилили свое представительство в новом Сейме до 6 депутатов, все же они еще очень далеки от полного использования своих прав на представительство (русских в Латвии 12% всего населения, и они могли бы иметь 12 депутатов). Национальное самосознание русского населения, на три четверти состоящего из крестьян, с каждым выбором, однако, возрастает. На прошлых выборах в Латгалии, наиболее населенной русскими, за русские списки было подано 29.883 голоса, а в этом году — 43.328. Увеличение почти на 50%. И, если число русских депутатов по Латгалии осталось прежним, то это объясняется тем, что два списка было выставлено явно безнадежных, но они все же отвлекли 3.300 голосов и вызвали этим провал еще двух списков. Таким образом, по Латгалии прошло 11.728 голосов.

Как голосуют русские крестьяне? Тут, прежде всего надо отметить, в отличие от прошлых выборов, уменьшение числа русских голосов, поданных за с.-д. список. Так, по 5 почти сплошь русским волостям Яунлатгальского уезда (район Пыталова), во второй Сейм за с.-д. список голосовало 52, 29, 29, 16 и 17%, принявших участие в выборах избирателей, а в этом году в тех же волостях — 41, 23, 27, 18 и 21. Процент голосов, поданных в этих волостях за русские списки таков: на прошлых выборах — 26, 49, 29, 60, 64%, в третий же Сейм — 44, 55, 51, 72, 63%. По всей Латгалии во второй Сейм за русские списки было подано 14,6% всех голосов, а в третий Сейм — 18,4%, при 31,7% русского населения.

Все русские списки в Латгалии, за исключением списка православных и старообрядческих избирателей, возглавлявшегося Архиеп. Иоанном, носили ярко выраженный крестьянский характер.

Список Архиеп. Иоанна, состоявший преимущественно из горожан и в основу своей платформы поставивший вопросы церкви и религии, по деревням собрал ничтожное количество голосов; его поддерживали лишь горожане средних классов, но не из за его религиозности, а из за проповедей Архиеп. Иоанна против коммунистов и его явно правых настроений (в городах среди русских, за исключением рабочих, преобладают правые настроения). Сам Архиеп. Иоанн прошел в Сейм по Риге и, кроме того, его список был выставлен в Земгалии, где он оказался единственным русским и, благодаря счастью для него распределению голосов, при небольшом числе голосовавших за него (около 3.600) провел одного депутата — бывшего члена IV Госуд. Думы фракции националистов — С. Р. Кириллова.

В старообрядческих местностях (Двинский и

Режицкий уезды) почти все русские голоса, подававшиеся за русские списки, получил единственный в Латгалии старообрядческий список, во главе с депутатом М. А. Каллистратовым. Этот список собрал наибольшее из всех русских число голосов — около 17.000 — и провел двух депутатов — М. А. Каллистратова и его ближайшего единомышленника Г. С. Елисеева.

«Каллистратовский» список в своей платформе на первое место выдвигал интересы безземельного и малоземельного крестьянства, давая явно неисполнимые обещания. Опорой ему служили съезды представителей старообрядческих общин и широкая популярность самого Каллистратова.

Другой русский список, также проведенный в Латгалии двух депутатов, принадлежал «Земскому Союзу» (организация, объединяющая часть русских членов волостных самоуправлений) во главе с депутатом Л. В. Шполянским. Несмотря на то, что этот список был выставлен организацией, в его основе не было ни единства программы, ни единства между отдельными кандидатами. На списке отразились все слабые стороны выставившей его организации, представляющей из себя разнородное окружение Шполянского, аппарат личной его рекламы. Зато последняя была поставлена очень хорошо: в течение двух лет издавалась газета «Деревня», выходившая от одного до трех раз в месяц и представлявшая собою почти единственное печатное слово, попадавшее в деревню. Из номера в номер в этой газете прославлялись заслуги Шполянского, помещались инсинуации против других русских депутатов и общественных деятелей. Кроме того, Шполянский создал бюро, в конце доведенное до 3-х секретарей, которое являлось ходатаем по крестьянским делам; сам он по каждому удобному и неудобному случаю рассылал сотни писем. Выдавая себя за левого депутата, Шполянский охотно поддерживал и правое правительство, если ему это было выгодно. Все эти приемы, как показали выборы, оказались хорошо рассчитанными на современную психологию крестьянской массы. Несмотря на то, что чуть не каждый из кандидатов его списка сам мечтал проскочить в Сейм и организовывал вычеркивание всех других и прежде всего самого лидера, Шполянский прошел по списку первым, а самый список получил 14.725 голосов.

Выступила на выборах с самостоятельным списком и новая русская группировка — Русское Крестьянское Объединение. По существу она не являлась новой — ее основное ядро сложилось уже года за два до выборов и принимало деятельное участие в местной жизни: в просветительных и кооперативных организациях, в выборах в уездную управу Яунлатгальского уезда, в которую ей удалось провести одного своего представителя (на 4 места). Формально политической организацией она не была, хотя мысль о необходимости русско-крестьянской партии в Латвии жила в ней с самого начала. Основатели медлили с учреждением партии, выжидая вовлечения в общее дело большего числа работников и приучая крестьян к мысли о необходимости своей партии. Удерживало их и то обстоятельство, что их влияние распространялось только на один уезд — Яунлатгальский. Приблизившиеся выборы в Сейм заставили ускорить дело оформления партии, и 5 августа в центре Латгалии — Режице — был созван первый организованный съезд партии, названной «Русским Крестьянским Объединением». В съезде приняли участие 32 человека — главным образом, представители русских волостей Яунлатгальского уезда, но были делегаты и от других уездов, в том числе тов. председателя городской думы Режицки

жицы, старый общественный деятель из рядов к.-д. партии, М. Пошивалов.

Первый съезд принял идеологические и программные положения партии, изложенные в докладе Б. Евланова, избрал Временный Комитет партии в составе: деп. II Сейма Е. М. Тихоницкого, члена Яунлат. уездной управы С. И. Трофимова, члена Гавровской вол. управы В. Я. Завьялова, члена Боковской вол. управы Н. В. Соловьева и Б. В. Евланова, и составил кандидатский список в Сейм. Выступить с самостоятельным списком в Сейм побудило отсутствие других группировок с определенной крестьянской идеологией и четкой программой, с которыми можно было бы объединиться без опасения, так сказать, раствориться в потоке демагогии.

Образование партии и решение выступить на выборах было сочувственно принято русской местной прессой, особенно в виду того, что «Крестьянское Объединение» заявило дружественный нейтралитет в отношении всех русских списков. Эта позиция вначале другими русскими списками, в особенности возглавляемым г. Шполянским, была встречена насмешливо. Новая партия подверглась усиленному обстрелу, но впоследствии, в виду усиленной охоты за русскими голосами нерусских партий, ее позиция была не только понята, но и принята. Последний, самый решительный период выборной кампании прошел без какой-либо взаимной грызни между русскими. Это, несомненно, увеличило число голосов, поданное за русские списки, и в этом заслуга «Русского Крестьянского Объединения».

Началась предвыборная кампания. Надо было думать о литературе, об агитации, о средствах. Партия во всем этом ощущала большой недостаток, и, если бы не моральная поддержка Ц. К. «Крестьянской России», с которой основатели партии были связаны еще до ее организации, перед препятствиями опустили бы руки.

Средства, правда, в ничтожном размере, в конце концов нашлись, мобилизованы были все личные силы, способные вести агитационную работу; выпущен был ряд листовок и один номер газеты «Русскому Крестьянину» с рядом статей, посвященных прошлому Сейму и задачам партии в будущем Сейме.

В разгар предвыборной кампании в центре Яунлатгальского уезда, в Пыталове был созван Второй Съезд партии, отличавшийся многолюдностью (62 делегата) и прошедший с большим подъемом. Всеми выступавшими крестьянами отмечалось сочувствие избирателей тому, что, наконец, нашелся список, который никого не ругает, ничего несбыточного не обещает, а выступает с реальной осуществимой программой, исходящей из действительно насущных потребностей крестьянства. Друзья и враги новой группировки были убеждены, что одно депутатское место ей обеспечено во всяком случае.

Наступили дни выборов. После подсчета голосов, оказалось, что список Р. К. О. не провел ни одного кандидата, хотя и собрал 3.917 голосов. На выборах во II Сейм такого количества голосов было достаточно для получения мандата (тогда один список провел депутата, получив лишь 3.600 голосов), достаточным было это количество голосов и теперь в Земгалии; в Латгалии, в виду значительного числа явившихся к урнам, потребовалось большее число голосов — не менее 5.000. На такое число и рассчитывали, но обнаружилась слабая подготовка в других, кроме Яунлатгальского, уездах, и те не оправдали ожиданий.

Формально — поражение. Но по существу — молодая, только на выборах выступившая пар-

тия, отказавшаяся от обычных в местных условиях приемов «уловления» голосов, собрала почти 4.000 гол.—разве это не достижение, не показатель, что почва для дальнейшей работы в том же направлении имеется? Русская крестьянская партия русскому крестьянству в Латвии нужна. Часть крестьян это уже поняла. Наступит разочарование в политических спекулянтах и в другой части, и тогда русская крестьянская партия окрепнет и станет во главе всего русского крестьянства Латвии. Рано или поздно — это произойдет.

Нельзя, однако, закрывать глаза на то, что теперь работа партии будет крайне затруднена. Необходимо заметить, что стремления к политической самостоятельности в широких крестьянских массах нет — они привыкли надеяться на помощь, но не сами бороться за свои права. А действительную помощь (проведение крестьянских дел, защита в государственных учреждениях и т. п.), при отсутствии своего депутата в Сейме, оказывать будет очень трудно.

Угрозой развитию работы является и постоянное препятствие — недостаток, почти полное отсутствие средств. Необходимо, хотя бы ежемесячная газета, необходимы созывы совещаний и съездов — все это требует денег, выборная же кампания исчерпала все, что было и даже то, что может быть в ближайшем будущем.

Но все же на местах рук не опускают. В конце концов своего добьемся. Семья, заброшенная на нашу латвийскую почву «Крестьянской Россией», не замолкнет.

Ноябрь, 1928.

Б. Евланов.

Р. С. О.

Русская селянская организация в Галиции.

Так называется со времени июньского съезда 1928 года бывшая Галицко-Русская Народная Организация. По своей программе она широко-либеральна, на самом же деле является чисто национальной с довольно яркими правыми уклонами в политической области.

Со времени указанного Съезда, кроме перемены названия, существенных изменений не было ни в программе, ни в тактике, ни в текущей деятельности Организации. Перемену в наименовании Организации надо считать результатом неудачи при выборах в польский парламент и непосредственных встреч галицко-русских общественных деятелей (главным образом, студенчества) во время этих выборов с широкими крестьянскими массами; эти встречи наглядно показали, что с одними национальными призывами в деревне делать нечего. Одним из доводов за перемену имени Организации было существование «Крестьянской России — Трудовой Крестьянской Партии»; на Съезде указывалось, что Организация должна приблизиться к этой партии не только в названии, но и в своей программе.

Чтобы разобраться в возможностях, стоящих перед Р. С. О., необходимо познакомиться с галицким национальным движением, называемым здесь также «народным».

Это движение с резко подчеркнутым национальным обликом начинается в Галиции в 60-х годах минувшего столетия, являясь зародышем современного, так называемого, украинского движения. Нужно отметить, что в то время украинцы называли себя *руси́нами*, а язык свой русским, позже *руським* и лишь в последние годы *русько-*

украинским и украинским. В названии, таким образом, первоначально не было существенной разницы между старым русским и новым русинским движением. Постепенный, затянувшийся на многие годы, переход от «русина» к «украинцу» объясняется тем, что слова «Украина» и «украинский» были совершенно чужды Галиции.

Несостоятельность украинского самостийничества (культурного и политического) доказывали многие, и я в эту область вдаваться не стану. Хотелось бы зато указать причины роста украинского движения в Галиции и одновременного падения русского.

Успех украинцев нельзя относить на счет денежной поддержки австрийского и немецкого правительства, как это часто утверждается: такая поддержка всегда развращает и дает скорее отрицательные результаты, чем положительные; если в данном случае иностранные податки не погубили движения, то приходится признать в нем значительную внутреннюю силу. Определить сущность этой силы, значит, определить причины успеха украинского движения. С полной убежденностью можно утверждать, что указанная сила не имеет ничего общего с национальным чувством, так как отсутствием его не страдало и русское движение; обладало последнее также денежными средствами — правда, небольшими, но зато собственными, собранными среди своих членов. И, однако, русское движение шло на убыль. Причину роста одного движения и упадка другого надо искать не в тех признаках, которые являются общими для обоих движений, а в их отличиях. Эти отличия лежат в различиях в мировоззрении руководителей обоих движений и в вытекающих из них расхождениях в постановке текущей организационной и политической работы среди масс.

Различия в мировоззрении руководителей обоих движений мы выясним, если установим — под влиянием каких культур воспитывались галицко-русские и галицко-украинские интеллигенты. Казалось бы, что возможен только один ответ: на русских влияла русская, на украинцев — украинская культура. Такой ответ был бы, однако, и поверхностным и неверным. В Галиции на обе интеллигентские группы не могла не влиять польская культура; с другой стороны, внимательное ознакомление с «украинской культурой» показывает, что она является лишь зеркальным отображением (часто кривым) общерусской культуры; эту зависимость украинской культуры от общерусской показывает, между прочим, и тот факт, что украинцы всегда так дико-враждебно восстают против всего русского.

На интеллигенцию двух враждебных лагерей влияли, следовательно, культуры русская и польская. Их сравнительная оценка в короткой заметке, да еще под пером неспециалиста, может быть только поверхностной. С полной убежденностью можно, однако, настаивать на том, что культура польская, особенно если судить о ней по выдающимся произведениям польской художественной литературы, является чисто националистической; социальных вопросов она или совершенно чуждается, или, затрагивая и ставя их, дает им типично буржуазное решение; законно ее называют поэту культурой «панской». Другие противоположные черты характеризуют культуру русскую, также судя о ней преимущественно по ее художественной литературе. Культура русская — общечеловечна, она насыщена социальными вопросами; решая их в духе защиты униженных и обиженных, она проникнута широко-демократическим настроением.

Как это ни странно, руководители галицко-русского движения находились почти под исключительным влиянием польской культуры (их знакомство с культурой русской было слабым и поверхностным) и потому считали своим единственным долгом, достойным внимания и траты сил, защиту национальных и религиозных интересов. И только! При этом простонародье должно было слепо исполнять указания вождей — главным образом, духовенства. Крупную роль религии в галицко-русском движении доказывают следующие факты: самое крупное и деятельное культурно-просветительное общество имени М. Качковского первым словом в своем девизе и до сих пор ставит «молись»; первая строка галицко-русского гимна и теперь оканчивается словами «и церковь русскую храни». И вот в то время, когда основная масса русского населения в Галиции была крестьянской и жила в условиях чрезвычайной эксплуатации и нищеты, галицко-русское движение ограничивалось в этой обстановке тяжелого социального гнета подчеркиванием одних только национально-религиозных задач. Его постоянный упор в сторону церкви и религии, постоянные утверждения, что первейшей основой русского национального существования и исходным пунктом во всякой работе являются религия и церковь, его полное умалчивание о социальных потребностях населения — все это сделало галицко-русское движение мало-жизненным и постепенно оттолкнуло от него крестьянские массы.

Отход крестьянских масс совершался тем легче, что украинцы основным упором в своей политической работе сделали как раз эти самые социальные условия и за перемену их начали деятельную борьбу. Такой перенос центра внимания с религиозно-церковных вопросов на социально-экономические дал возможность вырасти украинству в крупную политическую силу. Перенос же этот совершился потому, что на украинцев влияние русской культуры, хотя и отраженной в украинском зеркале, было гораздо более сильным, чем на галицко-русскую интеллигенцию. В число причин украинского успеха надо отнести и ту чрезвычайную ловкость, с которой украинские деятели связывали свою революционность в отношении польского помещика с преданностью австрийской монархии.

Первые годы мировой войны украинцы, состоя в услужении центральных государств, строчили бесчисленные доносы на сторонников галицко-русского движения в государственной измене, хотя эта «измена» заключалась лишь в одном наименовании «изменников» себя русскими. В результате сторонники галицко-русского движения массами подвергались смертной казни или шли в концентрационные лагеря и гибли там. Таким способом борьбы со своими политическими противниками украинцы оттолкнули от себя крестьянские массы, но под конец мировой войны, благодаря Галицко-польской войне и последующей борьбе с поляками в других формах, снова исправили свою репутацию. Исключительному их влиянию на крестьянство всегда мешало и мешает самостийничество — галицкое крестьянство всегда воспринимали Россию, как единое целое. Самостийничество, как и название «украинец» и «украинский», принимается им с большим трудом.

Русская крестьянская трудовая партия, если бы она создавалась в Галиции, имеет все основания рассчитывать на вовлечение в свои ряды широких масс галицкого крестьянства. Нужно лишь, чтобы она обладала определенной классово-крестьянской программой и в ее направлении, не уклоняясь в сторону, деятельно повела организа-

дионную и культурно-просветительную работу. Раньше или позже такая группировка в Галиции появится. Омонительно, однако, чтобы в нее могла превратиться теперешняя Русская Селянская Организация, явившаяся полным наследником всего духовного имущества (явно устаревшего и непригодного) и всего личного состава бывшей Галицкой Народной Русской Организации. *Свой.*

Сдвиги капитализма.

«Сдвиги капитализма» или «изменение капитализма» — так озаглавлен доклад, прочитанный Вернером Зомбартом 13-го сентября 1928 г. в Цюрихе на заседании «Союза Социальной Политики»^{*}).

Доклад Зомбарта посвящен изменениям и сдвигам, происходящим в хозяйственной системе «современного» или «зрелого» капитализма. Изучении эти происходят в трех областях: во-первых, меняется территориальное распространение капиталистической системы хозяйства, — а с этим меняется и значение тех или иных районов в общем хозяйстве мира и отношения между районами; во-вторых, сдвиги происходят в самой организации капиталистического хозяйствования; в третьих, — в области отношения капитализма к другим хозяйственным системам, их сравнительной важности во всем хозяйстве человечества.

Не подлежит сомнению, что капиталистическая система хозяйства распространяется на новые страны и районы, там, где ее до сих пор не существовало. Простое наблюдение над окружающей жизнью доказывает нам это. Но, более того, ряд теоретических соображений приводит к выводу, что распространение капитализма будет продолжаться и дальше. Вырастает и будет вырастать капитализм африканский и азиатский. Вопрос в том, какое влияние окажет капиталистическое развитие Азии и Африки на судьбы европейского капитализма? Могут ли европейские страны своим капиталом принять участие в строительстве нового, «цветного», капитализма в той же мере, в какой участвовали в еще недавние, довоенные годы? Зомбарт считает, что этого не будет. Капиталистические страны Западной Европы и Северной Америки не будут обладать достаточными капиталами для широкого участия в создании «цветного» капитализма. Такой недостаток произойдет оттого, что в будущем накопление капитала в Европе и Северной Америке будет происходить гораздо медленнее, чем до сих пор.

Общее накопление капитала в странах Европы замедлится потому, что останавливается или замедляется рост населения: население Франции уже давно не увеличивается, за последнее время то же наблюдается в Англии; в Германии за первую четверть XX столетия рождаемость упала с 30 до 18 чел. на 1000 населения. Одновременно происходит сокращение рабочего времени.

Накопление капитала в руках капиталистов также должно замедлиться, так как заработная плата растет и будет расти скорее, чем растет производительность труда. Во всяком случае, соотношение заработной платы и производительность труда рабочего никогда не будет уже столь выгодным для капитализма, как это было в XIX столетии. Конечно, будут продолжаться всевозможные технические изобретения, и громадные шаги

сделает рационализация хозяйства. И все же производительность труда не будет расти так быстро, как в прошлом столетии. Причина в том, что организационный и технический прогресс в обработке продуктов, в транспорте и в торговле имеет только второстепенное значение, а производительность труда в сущности определяется производительностью добычи сырья. На быстрый рост добычи сырья в будущем рассчитывать не приходится.

В области промышленной условия добывания сырья становятся все труднее и, несмотря на технический прогресс, добыча становится все дороже. Если откроются новые районы с новыми залежами — они окажутся расположенными так далеко, что расходы по транспорту добытых богатств чрезвычайно возрастут, несмотря опять таки на технический прогресс транспорта.

В области сельского хозяйства рост производительности также замедлится, потому что отпадут главные причины, вызвавшие быстрый рост ее в прошлом столетии. В XIX веке происходило занятие и освоение сельским хозяйством громадных площадей годной земли. Теперь таких районов почти не осталось, а если они и существуют, то организация хозяйства на них потребует громадных затрат. В XIX веке сельское хозяйство почти везде, кроме как в странах Западной Европы, велось хищническим образом — теперь хищническое хозяйство в таких размерах уже невозможно. Третьей причиной, благодаря которой с.-х. производство в прошлом столетии могло отвечать растущим требованиям капиталистической промышленности, следует считать эксплуатацию земледельческих стран странами промышленно-капиталистическими и промышленными. Это явление также постепенно исчезает. Аграрные страны индустриализируются, обзаводятся собственной промышленностью, которая и будет в большей мере потреблять их с.-х. продукцию.

Индустриализация аграрных стран ведет к целому ряду известных уже результатов. Из них важнейшими для судьбы европейского хозяйства является следующее. Вывоз промышленных изделий из старых промышленно-капиталистических стран сокращается, во-первых, потому, что свободные средства развивающихся земледельческих стран пойдут большей частью на создание собственной промышленности, а только в незначительной доле на покупку чужих изделий. Затем прежние покупатели начинают еще полнее удовлетворять себя изделиями собственной созданной новой промышленности. В то же время должен будет сокращаться и вывоз с.-х. продуктов, из стран ново-капиталистических, еще недавно бывших земледельческими, в старо-капиталистические, потому что в первых из них с.-х. производство должно будет удовлетворять свою новую промышленность. Здесь будет действовать закон необходимого соответствия между промышленностью и с.-х. базой ее в народном хозяйстве. Промышленно-капиталистические страны будут таким образом вынуждены расширять свою собственную с.-х. базу. Один путь для этого — путь интенсификации с.-х. производства, без коренных перемен в общем строе народного хозяйства. Второй путь — увеличение численности с.-х. населения. Хозяйству старых капиталистических стран придется перестраиваться так, чтобы земледелием было бы занято около 40% всего их населения.

Перечисленные выше перемены уже начались. Вывоз с.-х. продуктов из важнейших районов их производства уже сокращается. Самым знаменательным явлением в этом отношении следует счи-

^{*} Доклад полностью напечатан в *Weltwirtschaftliches Archiv* 1928 г. № 2, том XXVIII. Kiel.

тать полное прекращение вывоза с.-х. продуктов из большинства районов Северо-Американских Штатов. Цены на с.-х. продукты неуклонно растут. Старые промышленно-капиталистические страны постоянно переживают кризис сбыта и они, что важнее всего, уже замедлили ход развития и расширения своей промышленности. В Германии, например, последняя перепись указывает *уменьшение доли населения, занятого в промышленности, с 42,1% до 41,3%.* Сильно замедлился и *рост промышленного населения.* С 1882 по 1895 г., т. е. за тринадцать лет, промышленное население возросло на 27%, с 1895 по 1907 г., т. е. за двенадцать лет, — увеличение было равно 30%, с 1907 по 1925 г., т. е. за восемнадцать лет, увеличение равно всего 11%. Если бы развитие промышленности шло непрерывно, то за *восемнадцать лет* промышленное население должно было бы увеличиться на 45%. Итак, в будущем следует ждать: распространения капиталистической системы хозяйства по всему миру, причем замедлится накопление капитала и замедлится дальнейший ход индустриализации.

Говоря о сдвигах и переменах в организации капиталистического хозяйства следует различать перемены во внешней его организации и перемены во внутреннем строении капитализма. К переменам во внешней организации относятся широко известные и легко наблюдаемые современниками явления концентрации капитала, сосредоточения его в больших массах, централизация хозяйственных предприятий, слияние малых, вытеснение их большими, объединение больших трестов и банковскими концернами (в Германии объединено концернами 98% металлургической добычи, 96% производства красок и т. д.). Таким образом, создается своего рода хозяйственный феодализм, целая организация взаимных связей и зависимости рабочих и служащих от предпринимателей, мелких предприятий от крупных, мелких акционеров от крупных, промышленников от банкиров и т. д. Образовавшаяся верхушка денежной аристократии начинает руководить политической и культурной жизнью государств и можно было бы ожидать невиданного дальнейшего расцвета капитализма. Но с этими внешними организованными переменами связаны резкие внутренние изменения капитализма.

Эти внутренние сдвиги легко могут быть обнаружены в разных сторонах капиталистической системы, в ее духовном строе, в установленном ею порядке хозяйственной деятельности и, наконец, в самом ходе хозяйственной жизни. Умирает дух капитализма — сложный дух риска и рационализма, расчета и спекуляции, дух свободного гражданина и хозяина. В ведении предприятия научные данные начинают играть первую роль, вытесняя смекалку, чутье и инициативу. Предприятие стремится встать на прочную почву, научным образом исследованную и укрепленную. И предприниматель, работающий в таких условиях, приготавливающий заранее определенный сбыт на подробно изученный рынок, перестает быть предпринимателем. Он становится чем то вроде чиновника, действующего в узком кругу законов и инструкций. Ослабевают стремление к наживе, что вполне понятно при громадных размерах предприятий. Мы наблюдаем все чаще и чаще закрепление дивидендов в твердых границах, рост резервных капиталов и т. п. Вместе с тем умирает и дерзание, стремительность действия, столь характерные для прежнего капитализма. Стремление к власти и руководству общественной жизнью не так уже велико, а главное — власть капиталиста, в первую очередь в собствен-

ном предприятии, подвергается сильнейшим ограничениям.

Первоначально порядок человеческой деятельности в капиталистическом хозяйстве определялся одним словом: свобода. В настоящее время предприниматель сам связывает себя трестами и картелями с одной стороны и бюрократизацией, усложнением предприятия, с другой стороны. Чем дальше, тем больше связывает предпринимателя и государство законами об охране труда, о страховании рабочих, регулированием цен; связывают его и рабочие своими профессиональными союзами, заводскими комитетами, коллективными договорами и т. п. Рабочий, связывая предпринимателя, сам *теряет* прежнюю свободу и все больше превращается в служащего. Его работа регулируется законами и общими правилами. Отношение его к своему делу все ближе подходит к известному чиновничьему взгляду: «отбыть положенное число часов». Заработная плата определяется в значительной степени условиями, стоящими вне хозяйственных расчетов и состояния рынка. Прежняя идея подвижной шкалы вытеснена идеей прожиточного минимума. В случае безработицы рабочий получает своего рода пенсию. Пенсию, как и чиновник, получает он в случае инвалидности и старости.

Если сильно изменились дух капитализма и порядок капиталистической хозяйственной деятельности, то в не меньшей мере изменился и самый ход хозяйственной жизни. Прежний естественный сбыт продуктов промышленности заменяется системой искусственных мероприятий. Старая «механика рынка», когда спрос и предложение определяли цены товаров, заработную плату и прибыль предпринимателя, — эта механика заменяется теперь регулированием цен, заработной платы и прибыли. Регулирование *проводится* картелями часто без внимания к положению на рынке. Мы видим властное вмешательство в эти же вопросы и со стороны государства и со стороны органов самоуправления.

В тесной связи со всем только что сказанным стоит искусственное ограничение и ослабление тех колебаний, которые до сих пор были свойственны ходу развития капиталистического хозяйства. Смена периодов хозяйственного подъема и упадка становится менее заметной. Причин этому много, но главные из них заключаются: 1) в растущей возможности изучения той паутины связей, которую представляет собой рынок, и предугадывания действия этих связей, 2) в рациональном распределении производства отдельных продуктов, 3) в изменении условий производства, расширении и объединении предприятий, 4) в стремлении предпринимателей к созданию устойчивости предприятия через объединение в тресты, 5) во вмешательстве государства с той же целью придать всему хозяйству, отдельным отраслям и предприятиям его устойчивость. Даже такая стихийная причина колебаний хозяйственной жизни, как хороший или плохой урожай понемому теряет свое значение. Германия стоит накануне своего рода «социализации» урожая картофеля, так что удастся сглаживать разницу между годами урожайными и неурожайными.

В конце своего доклада Зомбарт останавливается на вопросе о взаимоотношениях капитализма и других хозяйственных систем, о разграничении между ними поля хозяйственной деятельности человека. Вытеснит ли капитализм другие системы или, наоборот, сам уступит место какому-либо новому порядку? Зомбарт решительно подчеркивает отрицательное последствие широкого распространения теории Маркса о концентрации капи-

тала, причем в большинстве случаев эту теорию заводят слишком далеко. В мире один хозяйственный порядок, сменяя другой, начинает безраздельно господствовать в течение определенного времени, так думал Маркс. Но этот взгляд должен быть оставлен. Жизнь показывает нам, что хозяйственная деятельность осуществляется одновременно в разных формах. Новый возникающий порядок хозяйствования становится рядом с уже существующими системами, но не вытесняет их целиком. Следовательно, рядом с капитализмом возникнут новые системы и будет продолжаться существование старых.

Из этих старых, уже нам известных порядков хозяйственной деятельности, хозяйство натуральное, работающее только на себя, вероятно, сохранит свои позиции в деревне, а в городе скорее расширит их, вследствие духа строительной и жилищной политики современных государств. Ремесленничество, вероятно, сохранит свое значение. В Германии с 1907 г. мелкие производители не уменьшились в числе, мелкие торговцы же умножились. Крестьянское хозяйство во всей Европе усиливается. Земельные реформы, проводимые в ряде государств, могут быть названы настоящим экономическим освобождением крестьянства. Из новых форм хозяйственной деятельности будет и далее развиваться кооперация; усилятся государственное, земское и городское хозяйство; вероятно, быстро будут множиться смешанные государственно-частные предприятия. Такое именно развитие форм хозяйственной жизни на ближайшее будущее не подлежит сомнению, т. к. эти формы являются для многих желанными. Таких форм желают как раз те группы населения, влияние которых на жизнь уже теперь

значительно, все увеличивается и еще будет увеличиваться. Растет не только желание нового порядка, но и возможность его. Опыт последних десяти лет показал возможность при известных условиях существования этих послекapиталистических систем, которые могут быть названы плановым хозяйством, крупным хозяйством без капиталистической верхушки. Необходимыми условиями их существования являются устойчивость спроса на производимые продукты и устойчивость техники производства. Чисто отдельных областей хозяйства, где эти условия наступают, все увеличивается.

Итак, капитализм теряет некоторые свои позиции и часть своего поля деятельности уступит новому порядку хозяйствования. Однако, капитализм не исчезнет.

В настоящее время сдвиги и перемены уже столь многочисленны и столь важны, что уже недолго ждать выдвижения нового порядка на первое место. Наше время несомненно является временем переходным. Конечно, невозможно точно установить срока, когда капитализм уступит (или уступил) свои позиции и начнется (или начался) новый порядок. Можно только примерно сказать, что таким рубежом является Великая война. До нее первое место среди хозяйственных систем занимал чистый капитализм, в наиболее полном, совершенном и зрелом виде. Послевоенная хозяйственная система должна уже быть названа поздним капитализмом. Другим названием может служить имя наступающего нового порядка, с прибавлением к нему слова «ранний». Однако, Зомбарт отказывается от поисков имени для этого порядка, указывая, что дело не в имени, а в фактах.

Н. В.

Из печати.

О нашем «таправлении» и о современных «стойках».

Перед нами печатный «Бюллетень» (№ 2), издаваемый Респ. Дем. Объединением (Р. Д. О.) в Париже.

На всем содержании «Бюллетеня», на характере тем и способе трактовки их, вплоть до терминологии, лежит печать эмигрантской, даже, скорее, чисто парижской обстановки — с ее междугрупповой борьбой.

И если добавить, что авторами руководящих статей в «Бюллетене Р. Д. О.» являются лица (как П. Н. Милюков, А. М. Кулишер), которых мы видим на соответствующих местах в газете «Последние Новости», то не будет преувеличением назвать «Бюллетень» Р. Д. О. как бы повременным приложением к этой газете. Устанавливая этот факт, мы хотим лишь облегчить задачу, которая нас в данном случае интересует: дать краткий ответ на выпад против «Крестьянской России», который мы находим одновременно на страницах «Бюллетеня» и «Посл. Новостей». Выпад делается таким образом из рядов Р. Д. группы партии Народной Свободы, с которой, как известно читателю, «Крестьянская Россия» до последнего времени пребывала в блоковом объединении, под названием «Рес. Дем. Союз».

И пусть знает читатель, что, прекращая существование Р. Д. Союза, обе стороны постановили опубликовать об этом в весьма краткой форме, ограничившись простым, без пояснений, указанием на «Тактические разногласия», — чтобы

не давать пищи любителям эмигрантских сенсаций и недобросовестным критикам из враждебного лагеря.

И более того. Обе стороны не только взяли на себя обязательство не выносить на публичное обсуждение вопросов, связанных с прекращением своего блока, но, расставаясь, в общем, миролюбиво, заявили готовность на будущее время не учинять, без крайней на то необходимости, — междоусобицы, не вступать в полемику и борьбу.

Констатируем, что бывший наш союзник, — Р. Д. группа партии Народной Свободы, не только не выполнил указанного обязательства, но и поспешил открыть «военные» действия.

Мы не сторонники полемики, да еще в рамках эмигрантских вопросов, и прошли бы молча мимо выпада по нашему адресу, если бы не некая злокачественная подоплека, которая вскрывается при анализе этого выпада.

Автор одной из статей в «Бюллетене» («Эмиграция в 1928 г.»), разъясняя читателям смысл наших с р. д. «тактических разногласий», видит его в том, что мы — «Крестьянская Россия» — связались духовно и практически с «правыми» элементами, а потому и должны быть зачислены в ту часть эмиграции, которую он помещает «вправо» от себя (т. е. от р. д.).

В другом месте (газ. «Последние Новости», от 16. II. — Отчет Р. Д. О.) говорится «о некоторых новых явлениях в тактике партии «Крест. России», начинающей сближаться с соседями справа».

Читатель тчетно будет ждать от цитированных авторов каких-либо обоснованных доказа-

тельств в пользу мнения о столь неожиданной и печальной перемене тактики «Крестьянской России».

Доказательств таких нет и их неоткуда взять нашим противникам.

Точные и ясные тактические положения нашей партии в этой области опубликованы во всеобщее сведение и остаются в неприкосновенности. Поэтому доказывать свою «левизну», опровергать смехотворные попытки изобразить нас «правыми», представляется занятием по меньшей мере праздным.

Чувствуя неизбежную бездоказательность своих доводов, наши р. д. обвинители, естественно становятся на путь не фактов, а намеков, загадочных фраз, и т. п. средств дешевой полемики. В тех же случаях, когда делается попытка перейти на почву фактов, приходится удивляться той степени тенденциозности, с какой эти факты истолковываются.

Так, в упомянутой уже статье в «Бюллетене», преподносится следующая фактическая справка в доказательство нашего «поправения» и невозможности иметь с нами дело таким «левым», как парижские р. д. Началось с того, что «Крестьянская Россия» приняла участие в попытке, «политический характер» которой «сразу же обрисовало» участие в ней «так называемых активистских» элементов эмиграции, среди которых левая и правая линия обыкновенно затирается. Речь идет о так называемом «Фонде Свободной Печати для России» (воззвание которого помещается нами ниже). Проект этого фонда возник, по уверению автора, в Белграде — каковой город есть месторождение только монархических затей и прочей правой скверны.

«Парижская группа партии Народной Свободы отказалась участвовать в нем (т. е. в Фонде), мотивируя свой отказ подчеркнуто «активистской» тенденцией инициаторов и их сотрудничеством с правыми элементами эмиграции. Отказались от участия и некоторые другие группы эмиграции».

Так пишется иногда история. Не будем касаться большого и важного вопроса о «Фонде», его задачах и пр., ограничимся «поправками» в пределах, взятых автором.

Проект «Фонда» родился не в Белграде, а в Праге по инициативе «Крестьянской России», каковой проект был единогласно принят пражским «политическим центром», в котором, к слову сказать, принимали и принимают участие члены р. д. партии Нар. Свободы. В Белграде этот проект был доложен А. А. Аргуновым от имени «политического центра» частному совещанию 40 лиц, оказавшихся вместе в Белграде, благодаря происходившим там русским съездам.

Окончательная работа по организации «Фонда», с выбором состава руководящего комитета его была совершена опять таки в «политическом центре» в Праге, причем в число членов Центрального комитета и в президиум его вошли члены р. д. партии Народной Свободы, вскоре потом вышедшие.

Постановление парижской группы партии Нар. Свободы о неучастии в «Фонде», о котором сообщает автор «Бюллетеня», и мотивировка постановления — очевидно является неопубликованным материалом партийного группового архива, ибо ни инициаторам, ни прочим участникам комитета «Фонда» не приходилось встречаться с такими мотивированными «постановлениями».

Что же касается того, что будто бы от участия в «Фонде» отказались «и некоторые другие группы эмиграции» — то мы очень хотели бы верить,

что это не прибавка «для красного словца», и получить названия этих «групп».

Мы не знаем ни одного случая отказа какой-либо группы в ответ на предложение «Фонда» об участии.

Но идем далее. Из факта нашего участия, да еще активного в «активистском» «Фонде Свободной Печати» и вытекло, по мнению автора, то, что «одновременно с этим» по тактическим разногласиям «был ликвидирован «Союз» между группой партии Нар. Свободы и Крестьянской Трудовой Партией». И тут же нарочито добавляет: «группа «Борьба за Россию» вошла в некоторый контакт с последней».

Абсолютно неверно утверждение о каком-то «некотором» контакте нашем с группой «Борьбы за Россию», появившемся одновременно или вслед за разрывом Р. Д. Союза. Задолго до этого разрыва между группой, издающей «Борьбу за Россию», и нами существовал контакт на почве технического сотрудничества, о чем известно было представителям р. д. группы партии Народной Свободы.

И не «Фонд Св. Печати», и не «контакт» с «активистскими борьбистами» явились яблоком раздора, прекратившем наш политический блок с парижской группой народной свободы.

Представители этой группы и авторы статей «Бюллетеня» и «Посл. Нов.» хорошо знают, что не в этих и им подобных «фактах» дело.

Когда нибудь, если понадобится, мы дадим точную историю разногласий, которые, постепенно накапливаясь, привели к разрушению Р. Д. Союза, и читатель убедится, что среди этих разногласий было много весьма серьезного и поучительного.

А сейчас укажем лишь одно: блоковое наше сотрудничество с парижской группой народной свободы, уже задолго, по крайней мере за два года до официального закрытия Р. Д. Союза, потеряло политический характер и свелось к материально-техническому сотрудничеству.

Природа входивших в Союз группировок оказалась слишком различна, взгляды и методы работы непримиримо противоречивы, и общий путь оказался невозможным. Их «тактические разногласия» вытекли отсюда.

О степени серьезности этих «разногласий» можно судить по следующему примеру, которым мы и закончим свой вынужденный ответ.

Противополагая себя тому демократическому течению русской эмиграции, которое ставит своей задачей активное участие во внутрисоюзной освободительной борьбе, — автор цитируемой статьи в «Бюллетене», говорит: «на этом фланге «активизм» в своеобразном понимании будет и впредь усиленно выдвигаться в противоположность мнимому «эволюционизму» р. д. Говорим «мнимому», ибо действительная позиция р. д. не та, как ее изображают противники р. д.» И все.

Какова же эта «действительная» позиция мы так и не узнали от автора.

Из отчета в «Посл. Нов.» об общем собрании Р. Д. О. (о котором мы выше упоминали), узнаем, что собравшихся р. д. больше всего занимал вопрос о «Белградском совещании», о «Фонде Свободной Печати» и о «связанных отчасти с ними некоторых новых явлениях в тактике партии Крестьянской России», начинающей сближаться с соседями справа и отклоняться от той четкой тактической позиции, которую она до сего времени вместе с Р. Д. О. занимала».

Мы нарочито подчеркнули последние строки, ибо они очень характерны для авторов их.

Прежде всего должны заметить, что «Крестьянская Россия», состоя до недавнего времени «вместе» в блоке с парижской р. д. группой партии нар. свободы, не имела чести и удовольствия состоять когда-либо в союзе с Р. Д. О. и делить его «четкую» тактическую позицию.

Если в этих строках содержится утверждение факта вхождения Р. Д. О. в ряды парижской группы партии народной свободы, то явление это очевидно недавнего времени, и нам приходится лишь зарегистрировать эту перегруппировку.

Но, в чем же состоит эта «четкая» позиция парижских р. д., в чем секрет этой зазорной самоуверенности их?

Объяснение, и притом очень удачное, находим в другой статье «Бюллетеня», принадлежащей перу А. Кулишера («Пробуждение в России и эмиграция»). Констатируя, что вопрос о «возможности содействия со стороны демократической эмиграции развивающейся политической активности русского населения» еще, оказывается, не разрешен Р. Д. О. и требуется «гораздо более политически-углубленный, как и технически-конкретизированный подход к этому вопросу», что, затем, сознается «необходимость совершенно определенной политической и социальной программы», автор выдвигает, наконец, формулу, которая и является как бы боевым лозунгом парижских р. д.: *«стоять лицом к России, строя все свои расчеты на действия внутрирусских сил».*

Позиция, действительно, «четкая». Она неизменно, из года в год, под разными формулировками, преподносилась на страницах парижской прессы.

«Стоять», «изучать», «ждать»...

По существу это то же, что и старинная формула: «сидеть у моря, ждать погоды». «Стоять» или «сидеть» лицом к России — позиция одна и та же.

Естественно, что так истолковывая роль демократической эмиграции, эти современные «стойки» психологически и политически чужды всему тому, что они называют активизмом в кавычках, т. е. проповеди и всякого рода попыткам живого, непосредственного вмешательства эмиграции во внутрирусское антибольшевистское движение и организованной помощи ему в разных видах.

Отсюда понятно их раздражение против всяких попыток (вроде «Фонда Свободной Печати») откликнуться на живые запросы о помощи, идущие из России, и их тактика самоизоляции, самозащиты, как от греха, от всякого рода коалиции.

Для того, чтобы «стоять лицом» — всего этого, конечно, не требуется.

Революционной демократии в тяжких условиях, но с уверенностью ведущей освободительную борьбу внутри России, и тем, кто из-за рубежа спешит ей на помощь, — с нынешними «стойками» не по пути.

К. Р.

Из жизни организации „Крестьянская Россия“.

Дальневосточная организация Т. К. П.

Идя навстречу желанию российских товарищей, мы будем время от времени давать сведения о жизни наших групп, находящихся за границей.

По вполне понятным причинам, сведения эти будут носить отрывочный характер, не затрагивая многих, иногда очень ценных с партийной точки зрения, фактов.

На этот раз мы остановимся на деятельности Дальневосточной организации.

Работа наших товарищей на Дальнем Востоке, с момента ее возникновения и до настоящих дней, — это живой, поучительный рассказ о том, как при трудных условиях эмигрантской обстановки, с малыми силами, но с напряжением их в определенную сторону, можно добиться значительных успехов и создать дело непосредственно обслуживающее интересы России.

Начало более или менее организованной партийной работы на Д. Востоке относится к 1927 г. Взглянув за нее незначительная группа лиц, примкнувших к партии после ознакомления с ее литературой и личных сношений с Ц. К.-ом.

Большое, пожалуй, даже определяющее значение для всей последующей работы этой группы, имел состав ее членов. Руководящее ядро образовали пожилые крестьяне, уроженцы Сибири, покинувшие родные края после долгой и упорной борьбы в рядах антибольшевистских сил. До 1917 г. они принимали деятельное участие в подпольном крестьянском движении, связанном с партией эсеров, а с наступлением «свобод» и вплоть до большевистского переворота, — в открытой общественно-политической работе, которой была широко охвачена тогда Сибирь. В вынужденную эмигра-

цию наши товарищи принесли с собой опыт многолетней и разнообразной политической работы, закаленную в борьбе энергию и живую веру в ненарушимую святость крестьянского дела. Всё это и помогло им быстро справиться с теми затруднениями, которые встали на Д. Востоке, особенно при первых шагах работы в рядах нашей партии и с которыми приходится считаться до сих пор.

Прежде всего обстановка, созданная гражданской войной, на территории Китая, неопределенность общего политического положения и, в том числе, положения русской эмиграции.

Затем, — разнородный состав этой эмиграции и в огромном большинстве своем чуждой или даже враждебной тем задачам, с которыми выступила наша группа.

И, наконец, оторванность ее, в виду дальнего расстояния, от остальной партийной организации «Крестьянской России» за границей, а потому невозможность рассчитывать на систематическую связь с центром, на его руководство и помощь. Приходилось ограничиваться своими силами и средствами.

Преодолевав все эти препятствия, группа вскоре развила свою работу до таких пределов, что оказалось возможным использовать изменившиеся к лучшему внешние условия, перейдя с нелегального на полуполитическое положение, объявив о своем существовании в органах местной печати и др. способами. К этому времени уже имелись ячейки групп в разных пунктах пограничной полосы и городах Китая, которые слились в одно целое под названием: «Дальневосточная организация Крестьянской России», с Комитетом во главе.

В настоящее время, в виду увеличения сети пунктов, на которые распространяется работа организации и рост отдельных местных групп, — пришлось переорганизовать дело, наделив существовавший Комитет функциями Областного Ко-

митета и предоставив отдельным группам выделять из своей среды местные комитеты.

Работа Дальневосточной организации велась и ведется в двух направлениях: 1) укрепление и расширение своих связей в пределах зарубежья и 2) непосредственная работа на Сибирь.

Доминирующее значение имеет вторая задача, и ею окрашена вся местная деятельность дальневосточных товарищей, старательно и умело избегавших всего того, что могло бы втянуть их в болото эмигрантщины и отвлечь силы и внимание от главной заботы — сплачивать свои ряды и прокладывать путь в недра Сибири.

Поэтому, не отказываясь от деловых связей и технического сотрудничества с подходящими группировками и лицами, — Дальневосточная организация заняла твердую позицию неучастия в шумной борьбе эмигрантских политических групп, расплодившихся во множестве на территории Китая.

Сотрудничество в местных легальных органах, появление в них ряда статей в духе «Крестьянской России» и факт систематической работы всё более и более охватывающей разные пункты территории, — сделали имя Дальневосточной организации в настоящее время достаточно популярным как в глазах русской общественности, так и в кругах правительственных (например, партии Гоминдан).

Особенно много помогло в этом направлении издание собственной литературы, которое ведется дальневосточными товарищами.

Издательское дело — это одно из самых крупных достижений, которым обязана наша партия дальневосточным товарищам, сумевшим осуществить его своими литературными силами и собственными ничтожными, грошевыми средствами.

Из широко задуманной программы партийных изданий, дальневосточным товарищам удалось до сих пор осуществить лишь малую часть, в виду отсутствия материальных средств. Но и то, что уже издано и подготовлено ими к изданию — представляет большую ценность.

Мы имеем прежде всего ряд листовок, как-то «Дальневосточная организация Крестьянской России» (излагающая кратко программу и тактику партии), «Десятилетие годовщина Октября», «К Молодежи» от имени «Кружка Молодежи», который входит в Дальневосточную организацию и через который ведется энергичная работа по привлечению в наши ряды «молодняка»; затем подготовляются к выпуску листовки: «К рабочим» и «Памятка для Крестьянина».

В 1928 году Дальневосточная организация издала двумя изданиями брошюру «Крестьянская Россия» — Трудовая Крестьянская Партия и приступила к выпуску своего партийного журнала «Крестьянская Россия», которого вышло до сих пор три номера.

Эти издания заслуживают особого внимания.

Брошюра содержит изложение, приуроченное к пониманию широких кругов населения, программы и тактики «К. Р.», принятых первым Съездом. В предисловии-обращении к Братьям-Крестьянам говорится:

«Эту программу нам, крестьянам, надо провести в жизнь. Можно же это сделать только тогда, когда борьба за власть кончится победой Крестьянства, и Крестьянская партия делается главенствующей партией России. Победа эта будет, она должна быть во что бы то ни стало, а раз победим, то мы сумеем и осуществить свою программу. Важно знать чего хотеть, а уметь хотеть крестьянство учить не надо.

Трудовая Крестьянская Партия призывает Вас, братья-Крестьяне, к тесному сплочению вокруг центра в одну несокрушимую крестьянскую силу.

Партия зовет вас на борьбу за освобождение от коммуниста-паразита, за лучшую долю крестьянскую, на борьбу за счастье и величие России.

Да здравствует крестьянин, свободный хозяин русской земли. Да здравствует освобожденная и великая Россия!»

В первом номере партийного журнала передовая статья «Наши задачи» заявляет, что ставит своей задачей обслуживать восточную окраину России и будет стремиться «неустанно держать своих братьев, томимых в большевицком плену, в курсе событий, происходящих как внутри России, так и во всем мире, освещая события так, как они есть на самом деле, а не так, как их излагает большевицкая печать», журнал будет на своих страницах «звать русский народ и, главным образом, крестьянство, к борьбе за свое освобождение, указывая как пути, так равно и возможные средства борьбы». Кроме передовой в номере первом содержатся статьи: «Призыв к нашему долгу» — о сборе на «Фонд Свободной Печати» при «К. Р.», *Войнова* «Своей дорогой» — о самостоятельных путях крестьянства, *Крестьянина-Эмигранта* «Силы земли» — о крестьянской манифестации в Праге, *Трофимова* «Провал коммунистов на хлебном фронте», *Чуркина* «Удушение мужика», стихотворение *Попугайчика* «Крестьянину» и партийная хроника. Не менее содержателен и удачно составлен номер второй журнала. Открывается он передовой на тему «Итоги Октября». Весьма жгучей теме посвящена статья Рабочего: «Рабочий класс и власть». В ней ярко и определенно подчеркнута мысль, что вне демократии нет свободы ни одному классу населения. Диктатура, провозглашенная во имя одного класса, становится неизбежно диктатурой кучки захватчиков власти над этим же классом. Борьба за демократию — вот единственно верный лозунг, за который и призывает Рабочий вновь бороться вместе с крестьянством рабочий класс. Эта статья лишняя раз подчеркивает единство целей — правильно понятых — рабочих и крестьян в борьбе за освобождение России. Затем следуют статьи: *К.* «Частная собственность», *Новинского* «Международное положение большевицкой власти», *Степанова* «К перевыборам в советы», *Г. Рассказова* «Тактика борьбы» с удачным обоснованием тактической линии «К. Р.», очень ценный отдел «От наших корреспондентов из Сибири», партийная хроника и стихотворение «Насилья праздник» — к одиннадцатой годовщине Соввласти. В номере третьем журнала (Январь 1929 г.) имеются статьи: *Войнов*, «Власть ВКП и крестьянство», *Г. Степанов* «Народовластие и диктатура», *С. С. Маслов*, «Способы борьбы», *Налетов* «Борьба за советы», *Агроном* «Беспочвенные планы», *Амурец* «Чем люди живы», *Новицкий*. «Кризис Сибирского маслодела». Затем ряд корреспонденций из Сов. России и хроника партийной жизни.

Вся эта литература, вместе с изданиями, получаемыми от Центрального Комитета, направляется во внутрь Сибири, растекаясь там по глухим селам и городам. В этом отношении дальневосточными товарищами сделаны огромные успехи.

Передовые слои сибирского населения уже знают об их работе, и лозунг организации своей крестьянской трудовой партии и борьбы с коммунистической властью всё шире и шире захватывает крестьянскую массу.

А. А.

† А. Н. Варламов.

Новую утрату понесла «Крестьянская Россия». 19 декабря 1928 года, сидя за письменным столом в канцелярии товарного склада Суботицкой ж.-д. станции в Югославии, внезапно скончался член Трудовой Крестьянской Партии, Александр Николаевич Варламов.

Родился он 13. X. 1884 года в Тифлисе. По окончании реального, а потом Московского Алексеевского военного училища, служил в одном из пехотных полков, откуда впоследствии перевелся в пограничную стражу. Мировую войну провел в строевых должностях на Кавказском фронте; в гражданскую — одним из первых явился на зов генерала Корнилова, провел первый — Ледяной — поход по северному Кавказу, до самого конца борьбы, неся боевую службу сначала в качестве командира сотни, потом — дивизиона, и, наконец — полка. За все время своей военной службы был близким другом рядовому солдату и казаку и пользовался их неизменной любовью.

Профессионал-военный, он был далек от «политики», однако, предметное обучение, данное войной и революцией, вывело его из узко-военных рамок: он живо откликнулся на идеи «Крестьянской России», найдя в них оформление своим выводам из пережитого. Вступив в Суботицкую группу 10 августа 1925 года, он в конце того же года был избран председателем ее и нес эти обязанности вплоть до осени прошлого года. За это время неоднократно и очень настойчиво изъявлял свою готовность принять на себя самые ответственные партийные поручения.

Кто знает ненормальные внутриэмигрантские отношения в Югославии, тот справедливо оценит мужество и твердость, с которой покойный Александр Николаевич делал маленькое, как-будто, дело на чужбине, подготавливая живые силы для великого — на Родине. Дожить же до этого и вложиться в него, как мечтал покойный, ему не судила судьба.

По почину местных югославянских кругов, в которых он пользовался горячей симпатией и уважением, местным гарнизоном телу Александра Николаевича при погребении были оказаны воинские почести.

Погребен он на суботицком православном кладбище.

Отчет о сборах в Фонд Свободной печати для России при «Крестьянской России» — Трудовой Крестьянской Партии.

(Все валюты переведены в чехословацкие кроны).

По подписным листам Центрального Комитета:

№ 1	через В. К. Оглоблину	(2 подп.)	179,40
» 2	» А. П. Вельмина	(5 »)	203,50
» 4	» И. С. Микуловского	(7 »)	166,50
» 6	» В. В. Португалова	(3 »)	449,55
» 7	» Л. П. Зацкого	(11 »)	559,20
» 9	» Я. З. III.	(4 »)	50,—
» 10	» Е. И. Федорова	(21 »)	220,—
» 15	» Б. К. Семенова	(3 »)	54,50
» 17	» Ф. И. К.	(11 »)	988,50
» 18	» С. А. Желдакова	(1 »)	100,—
» 19	» В. Ф. Бутенко	(9 »)	118,20
» 21-22	» В. Д. Шевчука	(75 »)	600,60
» 23	» В. П. Селиванова	(14 »)	100,—
» 24	» О. О. Кокотайло	(4 »)	74,—
» 25	» Б. Ф. Грабца	(13 »)	158,60
» 27	» Б. В. Седакова	(4 »)	30,—
» 28	» М. В. Л.	(6 »)	175,—
» 29	» Н. Е. И.	(8 »)	90,—
» 30	» О. А. Х.	(2 »)	20,—

№ 31	через N. N.	(3 подп.)	723,60
» 32	» И. Л. Колосова	(5 »)	90,—
» 35, 38	» Д. П. Никитина	(14 »)	156,50
» 37	» Я. Ф. Костырко	(4 »)	70,—
» 39	» И. Т. Криворучко	(3 »)	67,65
» 40	» П. К. Чудакова	(24 »)	85,05
» 41	» М. Р. О.	(1 »)	30,—
» 42	» П. С. Странскую	(29 »)	400,—
» 45	» Шухова	(14 »)	58,80
» 46	» П. Р. Щербуняева	(19 »)	147,—
» 47	» К. В. Вознесенского	(2 »)	41,—
» 48	» Н. М. Яковенко	(6 »)	206,—
» 49	» Г. И. Криволицкого	(5 »)	106,—
» 50	» К. Г. Булгакова	(1 »)	62,50
» 52, 55	» Г. П. Грачева	(20 »)	632,70
» 58	» Н. В. Дзевановского	(3 »)	85,—

По листам Дальневосточного Комитета:

№ 1		7 подписей	643,80
» 2		6 »	55,50
» 3		7 »	199,80
» 4		2 »	55,—
» 7		2 »	111,—
» 15		1 »	33,30
» 18		5 »	88,—

От отдельных лиц помимо подписных листов:

Неизвестного через А. А. Аргунова	3.965,—
М. Д. Царева	50,—
Группы учителей через О. А. Х.	75,—
Неизвестного	24,—
Н. П. Третьякова	100,—
№ 352	670,—
Мих. Р. О.	40,—
Неизвестных через Я. Ф. Костырко	29,—
Всего	13.438,75

По части подписных листов еще отчет не получен и будет опубликован дополнительно. Листы №№ 3, 5, 8, 11, 12, 20, 26, 36, 43, 44, 51, 56, 57, 59—63 — частью возвращены пустыми, частью не были пущены в обращение, в виду начала действий Общедемократического Фонда Свободной Печати для России.

1 апр. 1929 г.

Ц. К. «Крестьянской России — Трудовой Крестьянской Партии».

Представительство „Крестьянской России“ за границей.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ:

1. ПРАГА. По Центральному Комитету: Андрей Александрович Аргунов и Сергей Семенович Маслов. Tchécoslovaquie. Praga II., Jungmannova tř. 36/IV.

2. ПРАГА. По Пражской группе: Дмитрий Павлович Никитин. Tchécoslovaquie. Praha II., Jungmannova tř., 36/IV.

3. БРНО. Борис Фирсович Клепиков. Tchécoslovaquie. Brno. Dobrovského ul., č. 1. Restaurace «U Suchánků».

4. БРАТИСЛАВА. Сергей Анатолиевич Желдаков. Tchécoslovaquie. Bratislava. Vajnorská cesta č. 6a.

5. ПИЛЬЗЕНЬ. Яков Федорович Костырко. Tchécoslovaquie. Plzeň. Klatovská, č. 88., dv. 4.

6. ПШИБРАМ. Николай Иванович Мачулин. Tchécoslovaquie. Příbram II., č. 265.

7. ТАБОР. Евгений Иванович Федоров. Tchécoslovaquie. Měšice u Tabora, č. 200.

8. УЖГОРОД. Борис Васильевич Седаков. Tchécoslovaquie. Užhorod. Korjatovičovo nám., č. 31. «Oborot».

ФРАНЦИЯ:

9. ПАРИЖ. *Николай Васильевич Малолетков*. France. Asnières. (Seine). 149, Quai d'Asnières.

ГЕРМАНИЯ:

10. БЕРЛИН. *Владимир Евгеньевич Татарinov*. Deutschland. Berlin. W. 30. Eisenacherstr. 101. I. b/Jülig.

ПОЛЬША:

11. Варшава. *Виктор Вениаминович Португалов*. Pologne. Warszawa. Pulawska 5., m. 7.

12. ЛЬВОВ. *Богдан Федорович Грабец*. Pologne. Lwów. Plac Bilczewskiego. 3. «Dnistrosian».

ЭСТОНИЯ:

13. РЕВЕЛЬ. *Петр Александрович Богданов*. Estonie. Tallin-Kopli. Vene-Balti tehas. m. 54. k. 7.

ЛАТВИЯ:

13. РИГА. *Борис Викторович Евланов*. Lethonie. Riga. Kurmanova. 22.

ЮГОСЛАВИЯ:

15. БЕЛГРАД. *Гавриил Иванович Царик*. Jugoslavie. Belgrad. Zorina ul. 64/66. u dvorištu na spratu.

16. СУБОТИЦА. *Владимир Диомидович Шевчук*. Jugoslavie. Subotica. Majšankij put. Ruska buda.

17. ОСИЕК. *Иван Тарасович Криворучко*. Jugoslavie. Osijek I. Kolodvorska restoracija.

18. ЗАГРЕБ. *Павел Прокофьевич Гречко*. Jugoslavie. Zagreb. Boškovičeva ul. Kt. Ekon. Komer. Akademia.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК:

19. ХАРБИН. *Герасим Павлович Грачев*. China. Harbin. Novi Gorod. Post-box 129.

СЕВ.-АМЕРИК. СОЕДИН. ШТАТЫ:

20. НЬЮ-ЙОРК. Др. *Борис Федорович Соколов*. U. S. A. New-York City. 353. W. 117 st. Ap. 28.

АРГЕНТИНА:

21. БУЭНОС-АЙРЕС. *Владимир Константинович Семенов*. Argentina. Buenos-Aires. Calle Arraaz 2791. Señor Childs (pare Ing. V. K. Semenov).

Фонд свободной печати для России.

Печатаемое ниже воззвание Центрального Комитета «Фонда» не может не встретить самого горячего отклика в тех кругах демократической эмиграции, которые не могут оставаться безучастными зрителями разгорающейся в России освободительной борьбы и спешат с посильной помощью ей.

Не сомневаемся в том, что предприятие «Фонда» встретит сочувствие и деятельную поддержку также и среди иностранцев — искренних друзей свободной России.

Коммунистическая диктатура, отменившая все «свободы», не могла задуть живой потребности населения России в свободном слове.

И сейчас, когда ширится освободительное дви-

жение, спрос на свободное от большевистской цензуры печатное слово вырос до огромных размеров.

От него ждут как правильной оценки существующего строя с указаниями выхода к лучшему будущему, так и полной и правдивой информации о жизни Запада.

Перед русской эмиграцией стоит острее, чем когда-либо, задача пойти навстречу этой потребности освобождающейся России и сделать всё возможное для удовлетворения ее.

То, что в этом отношении делается за рубежом, является слишком малой долей того, что нужно и можно было бы сделать.

Основное препятствие — отсутствие достаточных материальных средств.

Это препятствие можно преодолеть или значительно ослабить солидарными и организованными усилиями.

В сознании этого и основано Общество, носящее название «Фонд свободной печати для России».

Общество не является организацией, связывающей своих членов единством программно-политических задач и действий.

В его состав входят люди разных социально-политических взглядов, объединенные признанием необходимости борьбы с большевистским режимом и переустройства России на началах народоправства.

Основная цель, которую ставит «Фонд» — создать солидарными усилиями прочную материальную основу делу издания и распространения свободного печатного слова в России.

Средства, собираемые «Фондом», направляются на поддержку печати уже издающейся, так и вновь возникающей.

В разных городах образуются Комитеты, группы «Фонда», объединяемые инициативным центром в лице временного Центрального Комитета, состав которого будет пополняться представителями разных городов.

Задача, которую ставит «Фонд», настолько ясна и настоятельна, что не может не стать достоянием широких слоев эмиграции.

И в этой уверенности мы обращаемся ко всем сочувствующим с призывом: пропагандируйте задачи «Фонда», создавайте группы его и путем организации постоянных взносов, сбором пожертвований и другими мероприятиями помогите делу «Фонда свободной печати для России».

О всех поступлениях в кассу «Фонда» будет своевременно даваться отчет.

Органы печати, сочувствующие делу «Фонда», просят перепечатать настоящее обращение.

Центральный Комитет «Фонда».

Председатель: В. И. Немирович-Данченко.

Члены Комитета: А. А. Арзунов, И. М. Брушвит, С. И. Гессен, П. Д. Долгоруков, С. В. Завадский, С. С. Маслов, В. С. Озерецковский, Е. Н. Чуриков, П. П. Юренев.

Книжные магазины, в которых „ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ“ имеется в продаже:

1. Париж, Я. Поволоцкий, 13, rue Bonaparte. — 2. София, кн. маг. «Слога», ул. Левски 14а. — 3. Варшава, издательство «Nasze Dzielo» Marszalkowska 68, m. 4. — 4. Загреб, Cirilometodska Knjižarna i Papirnicko D. D., Preradovičev trh 4. — 5. Белград, кн. маг. «Ruska Misao», Stiska, 8. — 6. Прага, кн. маг. «Пламя», Praha II, Ječná 32.

Адрес Редакции „Вестника Крестьянской России“: PRAHA, JUNGMANNOVA 36 — Tchecoslovaquie.

Издатель Сергей Маслов, — Odpov. redaktor Jiří Pak. — Цена № — 5 кр. ч.